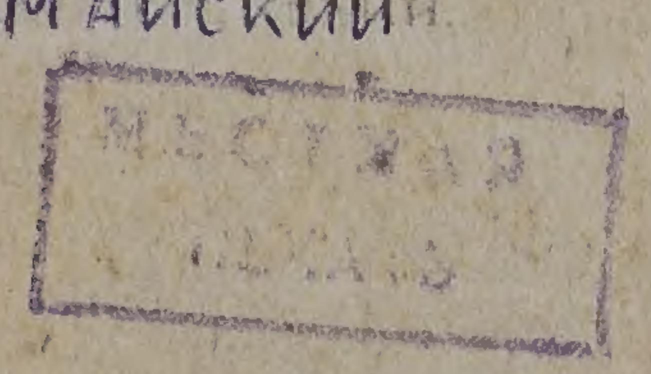
Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И. МАЙСКИЙ

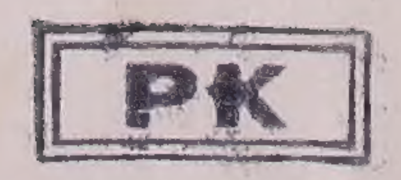
ВЕРШИНЫ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

1919
Государственное издательство,
Сибирское Обл. Отделение.

«Р. В. Ц.»

Омск, 1-я Государ[…]венная типограф[…] 2230

РК

И. М. Майский.

ВЕРШИНЫ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

„Wir wollen hier, auf Erden, sehon
„Das Himmelreich errichten!
H. Heine.

„Мы хотим уже здесь, на земле,
„Создать царство небесное!
Г. Гейне.

Омск, 1-я Государственная типография

1919

Разрешено Военной Цензурой, Омск,
2200 экземпл.

Акт первый

Действие происходит в широкой долине у подножия высокой снеговой вершины.

Действующие лица первого акта

Алькор

Амора

Охотники

Юноша

Девушка

Семья

Толпа

Люди из толпы

Голоса

Сцена 1.

Небольшая поляна в лесу. Группа охотников, вооруженных дубинами, каменными топорами и ножами. У некоторых имеются луки и колчаны со стрелами. Из глубины леса доносится рев медведя.

1-й охотник.

Я слышу рев! Он здесь, он будет нашим!

2-й охотник.

Скорей! скорей! Его мы окружим
И дружно все ударим на берлогу!

3-й охотник.

Тсс! Тш! Терпение и осторожность!
Медведь хитер и, если он почует,
Что близко враг, он вглубь чащи уйдет!

1-й охотник.

Разсыптесь по лесу! Идите справа, слева,
Со всех сторон медведя окружите
И слушайте: я дам сигнал протяжный,
Тогда гоните зверя на меня!
Скорей! Скорей! Не медлите!

(Охотники разбегаются и исчезают в лесу).

Пока же
Спокойствие! Займемся подготовкой
К достойной встрече гостя дорогого!

Мой гибкий лук! Мои певуньи стрелы!
И ты, мой нож, отточеный искусно
Из камня чөрного,—вы все сегодня,
Вы все мне службу сослужить должны!

(Внимательно осматривает длинный острый нож, снимает колчан и кладет стрелу на тетиву лука)

Исчезли все... Скользнули в глубь лесную,
Как змеи, и пропали за листвой...
Так!.. хорошо!.. Ни шороха, ни треска!..
Еще мгновенье!.. Два!.. Теперь пора!..

(Подносит к губам рог и испускает протяжный громкий звук).

Голоса.

(из глубины леса с разных сторон)

Э-го! Э-го!

I-й охотник

Они идут! Идут!
О, сладкий миг! О трепет благородный!
Скорей! Скорей! Сильна рука моя,
И зорок глаз, и меток лук певучий!
Я жду!

Голоса

(ближе)

Э-го! Э-го!

I-й охотник.

Что слышу!
Как будто ураган летит по лесу,
Ломая сучья, пригибая долу

Деревья и кусты... То он! То он!
Пора! Пора!

(Становится на одно колено и натягивает лук, в это время на опушке леса показываетя быстро бегущий медведь)

Лети ж, стрела, вернее!

(Спускает тетиву).

Го-го! Попала в глаз! Он взвыл от боли!
Он в бешенстве поднялся и готов бы
Меня в своих об'ятьях задушить!
Но погоди!

(Прицеливается и спускает вторую стрелу)

Попала в сердце, в грудь!
Э-го! Э-го! Скорей! Скорей! Бегите
Со всех сторон! Рубите! Бейте! Бейте!
Дубинами, камнями, топорами!

[Отовсюду сбегаются охотники и дружно наваливаются на дико ревущего медведя)

Прими-ж, чудовище и мой удар!

(Вонзает нож в грудь медведя, из под ножа вырывается алая струя крови)

Кровь брызнула! Кровь теплая, густая!
Напиток лучший! . Пейте ж, братья, пейте,
Пока не охладилася она!

(Медведь в предсмертных судорогах падает на землю, охотники по очереди пьют текущую из раны кровь)

2-й охотник.

Крепительный напиток! Много силы
Он придает с собою человеку.

3-й охотник.

Но кровь не все! Кто хочет быть счастливым
В любви и на охоте, кто желает
От духов злых, что нас подстерегают,
Иметь всегда надежную защиту,
Тот должен от трепещущего сердца
Убитого медведя с'есть кусок!

(Рассекает ножом грудь медведя. вырывает оттуда дымящееся сердце и, разрезав его на части, подает по куску каждому охотнику)

Все.

Да сгинут духи зла! Да будут с нами
Лишь духи добрые отныне и всегда!

(С'едают части сердца)

4-й охотник.

Идем домой! Пора! С добычей славной
Вернемся в лагерь мы к заходу солнца!

2-й охотник.

Постой! Постой! Как будто трепетанье
Десятков крыл я слышу над собой...
Что там? Взгляни!

3-й охотник.

То стая куропаток
Со степи поднялась и режет воздух
У нас над головой...

1-й охотник.

(хватаясь за лук)

Чего ж вы ждете?

Несись, стрела! Рази мою добычу!
Пусть упадет она к моим ногам!

(Стреляет. Раненая птица падает вниз)

2й охотник.

И я хочу убить!

3-й охотник.

И я!

4-й охотник.

И я!

1-й охотник.

Стреляйте же! Летит их много, много
Не тратьте даром стрел!..

(Охотники стреляют; одна, за другой падают птицы)

Еще! Еще

Богатая добыча!.. Помогают
Нам духи добрые,—не даром с'ели
Медведя сердце мы! Оно дает удачу!

2-й охотник.

Чудесный край! Дремучие леса,
Болота темные и светлые озера,
Шумящие потоки, луговины...
И зверь лесной, и птица, и плоды
В могучом изобилии повсюду...
Здесь хорошо! Чего еще искать?
Хотел бы я остаться тут на веки,
Пока не побелеет голова,
Пока не перейду я снова в землю!

3-й охотник.

Ты прав, здесь хорошо! Но *он* не хочет
Тут оставаться! . Он велит идти
Все выше и вперед! Все выше! Выше!

(Уходят, таща с собой добычу).

Сцена 2-я

Берег озера, поросший деревьями и кустарником
Девушка сидит с цветами на коленях и плетет венок.

Девушка

(Поет).

Цветы мои милые,
Цветы мои красные,
О чем вы смеетесь
В зеленых лугах?
Сорву я вас весело,
Сплету я вас радостно,
Сияйте и смейтесь
В моих волосах!

(Берет в руку венок и любуется им)

Как хорошо! Как пышен и прекрасен
Ты вышел, мой венок! Каких цветов
Тут только нет! И светло-голубые,
Как даль небес и белые, как снег,
И розовые, как зари вечерней
Румяный свет, и желтые, как солнце,
И синие, и алые, как кровь.
С травой и листьями искусно перевиты
Они так весело глядятся мне в лицо!
Попробую надеть!.. Вот так!.. Чуть выше!..

(Одевает венок на голову и, подойдя к воде, смотрится в нее, как в зеркало)

Как хорошо! Как пестрый мой венок
Ко мне идет! Как голову он красит!

(Хлопает в ладоши и начинает радостно плясать на берегу)

Теперь я лучше всех! Ну, берегитесь,
Охотники веселые! Я знаю

Вы любите ловить сердца девичьи,
Пропали вы теперь совсем! Начнете
За мной гоняться, как медведь за ланью,
Когда с венком приду я в хоровод!

(Смеется)

Входит Ю н о ш а с окровавленым ножем за поясом и мешком за плечами.

Ю н о ш а.

Красавица! Ты здесь! Какая встреча!
О, добрый дух, как должен я тебя
Благодарить за эту милость!.. Стой же!
Красавица, не убегай, как это
Уж столько дней ты делаешь, едва лишь
Я захочу приблизиться к тебе!
Дай на тебя взглянуть! Как ты прекрасна!
Твои движенья быстры, как у серны,
Твой стан, как тополь, а твои глаза,
Как светляки, что ночью озаряют
Лесную тьму. Улыбка уст твоих,
Как сладкий мед, румянец щек, как роза,
А голос твой как пенье соловья!
Люблю тебя! Люблю всем пылом страсти!
Ты слышишь ли, как грудь моя трепещет?
Как кровь кипит? Она горит огнем!
Люблю тебя! Хочу, чтоб ты со мною
Делила мой шалаш; чтоб мы всегда
Из одного сосуда вместе пили,
Всегда одною шкурой укрывались,
Чтоб на одном и том же ложе спали,
В об‘ятьях жарких трепетно сплетаясь;
Хочу, хочу, чтоб ты была моя!..
Но ты молчишь, потупя очи долу?

Ты смущена? Что это значит? Что?
О, говори же! Говори скорее!

Девушка.
(Смущенно).

Что мне сказать?.. Я не умею
Так говорить, как ты... Пусти меня!

Юноша.

Нет, не пущу! Должна ты дать ответ!

Девушка.

Есть много девушек и краше и милее,
Чем я!..

Юноша.

Но я *тебя* люблю, *т е б я*!
Одна ты мне мила! Одна стоишь ты
Всегда передо мной—среди буйных игр,
В разгар веселой пляски, на охоте,
В полях, в лесах, во сне и на яву!
С тобой готов на век я здесь остаться!
В глуши лесной, под деревом тенистым
Построим мы шалаш, и буду я
Зверей и дичь носить, а ты... ты станешь
Заботиться о нашем очаге.
Пусть *он* идет к вершине, если хочет!
Что мне она? Тебя хочу, тебя!
Тебя люблю!.. А ты? Что ты мне скажешь?
Ты любишь ли меня?

Девушка.
(Лукаво).

Подумай сам!

Юноша
(Бросаясь к девушке).

Ты любишь? Да? Ты любишь?

Девушка
(увертываясь).

Угадай!

Юноша.

О, милая, с ума могу сойти я!
О говори! Зачем меня ты мучишь?
Ты любишь? Правда?

Девушка.

Любят только сильных!..

Юноша.

Красавица! Я разве не силен?
Взгляни на это тело, что подобно
Могучему стволу, на эти ноги,
Способные поспорить в быстроте
С горячим скакуном, на эти руки,
Могущие шутя в своих об'ятьях
И волка, и гиену задушить,—
Я разве не силен?

Девушка.

О силе судят
По действиям... Вчера сын Магадора
С охоты мне принес медвежье сердце...
Он сам убил медведя... Он силен!...

Юноша.

Что? Что сказала ты? Медвежье сердце?..
Смотри! С моей сегодняшней охоты

Я приношу тебе подарок лучший,—
Я голову пантеры приношу!
Возьми ее!

(Выбрасывает из мешка окровавленную голов пантеры)

Девушка
(Пораженная.)

Как? Это ты? Один?..
Возможно ли? Глазам своим не верю!

Юноша.

Да, это я! В глухой чаще лесной
Наткнулся я внезапно на пантеру.
Меж листьев и ветвей она сидела.
Она меня увидела, но страха
Я не заметил в ней... Лишь гнев и ярость
Всю потрясли ее... Она сверкнула
Зелеными глазами, изогнулась,
Шерсть вздыбила и громко зарычала,
Так дико и пронзительно, что я
Невольно задрожал. Холодным потом
Покрылся лоб... Но я схватил свой нож
И крепко сжал; она опять завыла
И, выпустивши когти, поднялась,
Потом присела, словно выжидая...
И вдруг одним стремительным прыжком,
Оскалив зубы, лапы выгибая,
Как бешеная бросилась.. Я ждал!
В мгновенье ока левою рукою
Я нож всадил ей в грудь по рукоятку,
А правою рукой сдавил ей горло!..
В отчаяньи она рвалась, когтями
Царапала мне тело, извиваясь,
Пытаясь укусить меня,—напрасно!

Моя рука давила все сильнее,
А из груди пантеры непрерывно
Бежала крови алая струя...
И вот пантера начала слабеть:
Разжались когти острые, погасли
Зеленые глаза, из сжатой глотки
Хрипенье вырывалось, на зубах
Дымящаяся пена показалась...
Зверь издыхал!.. Я бросиль вниз его
И наступил ему ногой на горло...
Потом я вырвал нож и отрубил
Одним ударом голову пантеры...
Теперь она твоя!.. А вот следы
Когтей чудовища...

Девушка.

О, дай скорее

Я травы приложу, чтобы эти раны
Быстрее зажили!

Юноша.

Пройдут и так!

Не в первый раз они и не в последний
Скажи ж теперь, силен я или нет?

Девушка.

Да ты силен!

Юноша.

А сильные берут

Все, что хотят и любят! Ты *должна*
Моею быть!

Девушка

(Вызывающе).

Попробуй взять меня!

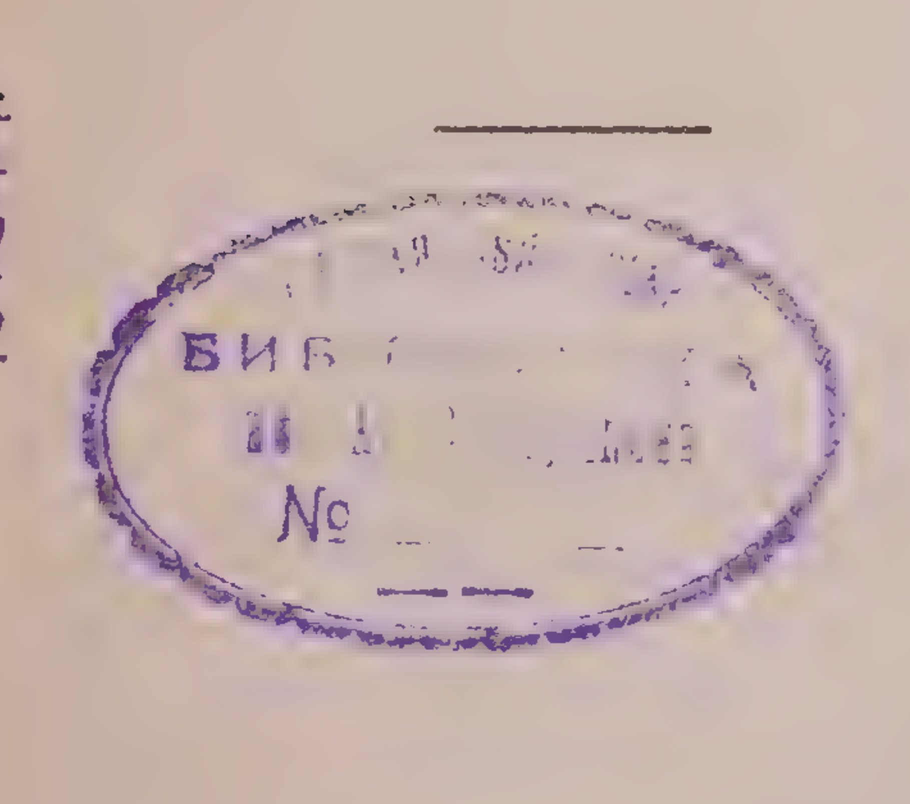
(Смеясь, бежит по направлению к лесу)

Юноша

(Нагоняет девушку).

Возьму тебя и будешь ты моею!

(Схатывает ее на руки, оба скрываются в лесу)

Сцена 3-я.

Лагерь. Шалаш, сделаный из ветвей и звериных шкур. Перед входом в шалаш горит костер На треножнике варится ужин. Около костра расположилась семья. Вечер. Впереди видна снежная вершина.

Мальчик.

Я голоден!

Девочка.

Я есть хочу! Когда же
Поспеет ужин?

Мать.

Тише, дети, тише!
Вы видите, как хорошо горит
Костер, как весело трещат в нем сучья!
Уж скоро, скоро будет все готово!

Отец
(обращаясь к сыну)

Что у тебя там, мальчик?

Сын.

Лук и стрелы.

Отец

Где взял их ты?

Сын.

Я сделал сам.

Отец.

Ты сам?

А ну ка покажи!

(Осматривает поданное сыном оружие)

Ого! Не плохо

Ты сделал лук! А стрелы слишком толсты,
Не полетят далеко... Делай их
И тоньше, и длиннее, оперяя
Тупой конец, идущий к тетиве.

Сын.

Я пробовал стрелять... Там, на поляне,
Есть дерево большущее, на нем
Я увидал сегодня утром птицу...
Я тихо так подкрался и спустил
Одну стрелу в нее, потом другую,
Но не попал... А птица улетела!

Отец.

Ну, не горюй! Вот выростешь и станешь
Лихим охотником! Научишься стрелять
Без промаха, как я теперь стреляю.
Все в свой черед...

Девочка.

А я нашла у речки

Малютку-птичку! Но она не пела,
И глазки у нее закрыты были...
Я долго с ней на берегу играла,
В воде купала, на песке сушила...
Потом ее я обложила травкой
И начала варить... Потом...

Отец.

Потом?..

Девочка.

Потом я откусить хотела
Кусочек маленький, но это было

(с отвращением)

Так гадко... Так не вкусно... Отчего?

Мать.

(помешивая ужин)

Шалунья моя глупенькая! Что ты!
Да разве можно без огня варить?..
Ну, вот, готов и ужин! Занимайте свои
места.

(Все придвигаются к котлу и молча и сосредоточено едят)

Отец.

(вытирая рот рукой)

Конец! Я сыт погорло!

Мать.

Поели, дети, и идите спать!
Пора! Пора! Чего еще вы ждете?
Ступайте ка в шалаш! Располагайтесь
В своем углу на шкуре! Или лучше
Пойдемте вместе,—я вас уложу!

(Мать и дети скрываются в шалаше).

Отец

(обращаясь к деду)

Закурим трубку! Дым ея поможет
Остаток вечера нам легче скоротать!

(Оба закуривают трубки, некоторое время царит молчание)

Уж меркнет день и солнце закатилось.
Горят лишь облака, но и они
Темнеют быстро в сумраке вечернем.
Блеснули робко звезды в вышине,
Слегка засеребрился полумесяц ..
То ночь идет! Густеет тьма...

[оборачиваясь в сторону вершины]

И только
Вершина снеговая перед нами
Горит еще последними лучами
Угасшего светила!.. Как она
Сверкает высоко над гранью ночи!
Она меня и манит и пугает!
Старик, ты долго жил, ты много видел,
Ты знанием и опытом богат,—
Скажи, что думаешь ты об Алькоре
И об его решеньи непреклонном
Итти вперед и выше к небесам?
Скажи, скажи, достигнем ли вершины?

Дед.

Надеюсь, не достигнем!

Отец

Что сказал ты?
Иль я ослышался? Иль понял ложно
Я речь твою?

Дед.

(удивленно)

О, нет, мой сын! О, нет!
Ты понял меня правильно... Сказал я
Лишь то, что думаю, что, словно камень,

Давно лежит на сердце у меня.
Для всех нас—для меня, тебя, твоих детей,
Для племени всего, для самого Алькора—
И лучше и спокойнее бы было,
Когда-б мое желание сбылось!

Отец.

Но почему?

Дед.

Ты молод, сын, ты молод!
Кровь юная в тебе еще играет
И многого не можешь ты понять!..
Отец Алькора был великий воин
И славный вождь. Могуч, как дуб ветвистый,
Он первый был в бою и на охоте,
Он покорил четырнадцать племен,
Сравнял с землею тридцать поселений,
И собственной рукою отрубил
Две сотни вражеских голов!. Он грозен,
Он страшен был! Раздвинул он далеко
Пределы нашей власти и народу
Богатую добычу подарил.
Без счета он медведей истребил,
Один ходил на кабана, на тура,
И даже тигра лютого, что ночью
Так дико завывает в камышах,
Он не боялся! Да, и с ним решался
На страшный бой он смело выходить!
Да, то был вождь великий!.. Но с богами
И с духами—и добрыми и злыми—
Всегда он в мире жил. Всегда старался
Расположенье их купить дарами
И жертвами богатыми... Жрецам

Оказывал почет и уваженье...
И что ж? Его не забывали боги!
Он был могуч, и славен, и отважен,
Имел удачу в битвах и делах;
И умер, окруженный поклоненьем
И горькими рыданьями народа.
Да, то был вождь!.. А сын его Алькор...

Отец.

Ну, что ж Алькор? Ты медлишь? Ты не хочешь
Поведать мне, что думаешь о нем?

Дед.

Нет! Нет! Алькор и силой, и отвагой,
И красотой, и нравом горделивым,
И волею упорной и жестокой
Подобен своему отцу... Но он..,
Но он мечтатель!.. Ум его горячий
Опасными мечтаньями насыщен,
Как топь болотная насыщена водой!
К добру не приведут мечтанья эти!
Они лишь дух тревожат беспокойно,
Родя неисполнимые желанья,
И медленно, но верно отравляют
Ум человека дерзостной гордыней.
Боюсь я за Алькора! И за нас!..

Отец.

Все не пойму никак твоих сомнений!

Дед.

Так, слушай же, мой сын! Алькор, ты знаешь,

Решил подняться на вершину... Тщетно
Мудрейшие старейшины в совете,
Его от этого старались удержать—
Он был неумолим. Одно лишь слово
Твердил он всем в ответ; „Иду! Я должен!"
И волею своей неукротимой
Он победил совета нежеланье.
И вот идем мы.. Весь народ... Все племя..
Куда? Зачем? Чего искать мы будем
На этих крутизнах без трав, деревьев,
На этих голых скалах, что покрыты
Холодным снегом, на вершине дикой,
Сверкающей огнями ледяными?
Безумие!.. Как будто бы в долине,
Где мы от века жили, стало тесно!
Как будто бы исчезли тут леса,
Поля, болота, рѣки и озера!
Как будто бы охота перестала,
Как прежде, нас кормить и одевать!
Безумие!.. Поправ заветы предков,
Покинувши знакомые места,
Где мы всегда, из рода в род, бродили,
Где нам известны были все тропы,
Все лисьи норы, логова медведей,
Все бросить и итти туда... К вершине...
Карабкаться по скалам.. Надрываться...
Терпеть нужду и холод. Обрываться
И гибнуть жалко в пропастях бездонных...
И все к чему? К чему?. Нет, нет, мой сын,
На это мог решится лишь безумец,
Лишь человек, отравленный гордыней
И дерзостно восставший на богов!

Отец.

Как? На богов?

Д е д.

(пониженным голосом)

Да, да! На той вершине
В сверкающем чертоге ледяном
Живет свирепый Муму, что ветрами
И бурями один повелевает!
Он страшен! Горе смельчаку, который
Разгневает всевидящего бога!
Ничто его не может уж спасти!
И я боюсь, чтоб мы... Чтобы Алькор
Своею дерзостью... Своим безумьем
На весь народ, на всех нас не навлек
Ужасной мести... Муму—грозный бог!

О т е ц.

(задумчиво)

Тебя я понял .. Да, ты мудр, старик!
Ты мудр, ты жизнью долгою испытан!
И слово твое—правда и любовь,
Любовь к народу нашему!..

(бросая взгляд на вершину)

Но только...
Но только, как она могуча и прекрасна
Вершина гордая, горящая огнем!
И как влечет, как манит она властно
Того, кто бродит в сумраке ночном!

Сцена 4я.

Большой шатер на возвышенности. Вокруг него по склонам и ниже расположился обширный лагерь: шалаши. костры, лошади, люди—все смешалось в пестром беспорядке. Вечер. Заходящее солнце освещает вершину последними лучами. У входа в шатер стоит А л ь к о р.

А л ь к о р

(Один глядя на вершину)

Она горит вечерними огнями,
Она горит и каждый миг меняет
Сверкающие краски и цвета!
Вот вспыхнул ярко пик остроконечный,
Стрелою уходящий в небеса!
Вот вся вершина грозно запылала
Кроваво красным пламенем!.. Сияет
И блещет, и горит она победно,
Как факел пламенеющий над миром
И вызов посылающий звездам!
Вот дымкою подернулся лиловой
Ее прекрасный образ!.. Стали гаснуть
Ее ложбины, скаты и ущелья..
Но снеговой венец еще сверкает
И, как костер во мгле туманной ночи,
Он мечет искры пламени кругом!
О, как люблю тебя я, гордая вершина!
Как ты влечешь меня неудержимо
К своим холодным, ясным высотам!
Уж сколько лет из глубины долины
Я пожираю взглядом ненасытным
Твои черты! Их не могу забыть я!
С закрытыми глазами вижу я
Твои утесы, кручи и ущелья,
Твои изломы, пади и стремнины,

И пропасти и снежные поля!
О, сколько раз следил я жадным взором
За солнцем, что с небесной высоты
Тебя сияньем ярким обливало!
Своими светлыми лучами солнце
Могло бродить по этим пикам, скалам,
По этим льдам и скатам, и обрывам,
И проникать своим горячим взглядом
В таинственную глушь ущелий диких.
А я не мог! Я был внизу, в долине!
Я был прикован к мертвенной низине,
И ревность, ревность к солнцу закипала
В моей груди! Я проклинал себя!
Я ненавидел жребий свой жестокий!
Я был готов в бессильном исступленьи
О камни голову безумно размозжить!
Но это все прошло и не вернется!
Свершился рок! Сквозь тысячи препятствий,
Сквозь вихри, мрак, огонь, метели, грозы,
Сквозь гибель, плач, страданья, кровь и
слезы,
Вершина гордая, иду к тебе, иду!

(Входит Амора, незамеченная Алькором)

Амора
(Про себя)

Все тот же он! Все тот же облик гордый,
И стройный стан, и светлое лицо...
Он весь горит могучим вдохновеньем,
Улыбка на устах его сияет,
Улыбка торжества.. Как он прекрасен!
В нем молодости блеск и сила страсти!
Он весь, как яркий день! Лишь взор суровый,
Да резкие морщины на челе

Бросают тень на образ его светлый...
То мысли тень! Той мысли, что всегда
Кипит в его сознаньи беспокойном...
Люблю его! Люблю! Но страх порою,
Безумный, жуткий страх щемящей болью
Сжимает сердце мне... Что значит он?
Боюсь ли за Алькора? За себя ли?
Или за счастье наше? За любовь?
Не знаю... Не могу сказать.. Лишь сердце
Тревожно бьется, бьется... Но пора!
Меня не замечает он... К вершине,
К вершине, как всегда, обращены
Его сверкающие взоры... Жадно
Следит он, как последние лучи
На грани снеговой, бледнея, гаснут,..
Пора! Я все должна ему поведать...
От гибили грозящей остеречь.

(громко)

Любимый мой!

Алькор.

Амора дорогая!

О, подойди! Как рад тебя я видеть!
И часу не прошло с тех пор, как ты
Покинула меня, но показался
Мне этот час длиннее долгой ночи.
О, подойди! Дай мне обнять тебя!
Дай заглянуть в глаза твои, Амора!

(Обнимает и целует Амору)

Амора.

Мой дорогой, любимый! О, как сладок
Твой поцелуй!

Алькор.

То поцелуй любви!

Амора.

Я вся дрожу... Какой то сладкий трепет
Меня наполнил всю... О, мой Алькор!
Твоя любовь, как солнце, что сияет
Высоко над полями и лесами,
А я-цветок, затерянный в траве.
Когда ты смотришь на меня с любовью,
Я расцветаю пышной красотою,
Я вся тянусь так радостно к тебе!

Алькор.

Скрывается и солнце за горами,
Когда приходит ночь... Но та любовь,
Что в нас горит, не гаснет никогда!
Нет ночи для нее! О, дорогая!
Как счастлив я, как упоен восторгом,
Когда со мною ты, моя Амора!
Готов я, словно птица, вознестись
К далеким небесам! Готов на битву
Всех духов мрака вызвать дерзновенно!
Когда со мною ты, я ощущаю
В груди своей неведомую силу!
Я становлюсь могуч и непреклонен,
Как старый кедр... Тогда я верю, знаю,
Что сбудется мечта моя, что ступит
Моя нога

(указывая на вершину)

на эту высоту!

Амора.

Мой дорогой! Прости меня... Тебя
Должна я опечалить...

Алькор.

Что такое?
Твое лицо вдруг омрачилось скорбью,
В глазах сверкнули слезы... Дорогая!
Что это значит? Что?

Амора.

Плохие вести
Я приношу тебе...

Алькор.

Но в чем они?

Амора.

Алькор! Там... Там внизу среди народа
Смятение и крики... Старики
Клянут тебя и всем нам предрекают
Ужасную погибель .. Говорят,
Что ты своим решеньем непреклонным
Идти к вершине вызвал гнев богов;
Что много есть зловещих предвещаний;
Что духи злые по ночам хохочут
В окрестностях, пугая сон людей;
Что волки и гиены уже бродят
Вкруг лагеря, свою добычу чуя,
А вороны, слетаясь отовсюду,
Зловеще каркают и нашей смерти ждут;
Еще там говорят, что прошлой ночью
Таинственный огонь горел высоко
На склоне гор, и диких уток стая
Перед зарей над нами пронеслась,
Так жалобно крича, что все проснулись,
А дети стали плакать... Эти речи
Волнуют весь народ... Все смущены...

Мужчины говорят, что здесь, в долине,
Зверей и дичи хватит нам надолго,
Так незачем карабкаться на скалы
И духов зла безумно искушать!
А женщины, детей прижавши к груди,
Твердят, что все на месте остаются,
Что за тобой на гибель не пойдут!
Мой дорогой! Скажи, что это значит?
Скажи, что делать? Что? Мой ум мутится,
Тревожно сердце бьется, грудь сжимают
Тяжелые предчувствия беды...

Алькор.

О, маловерные! Я знал, что день настанет,
Когда мой путь покажется вам тяжким,
И на меня вы гнев свой обратите!
Я знал, что день придет, когда заговорит
В вас трусость жалкая, когда сегодня
Покажется вам сладостней, чем завтра,
Когда дары ничтожные долины
И ваше маленькое счастье здесь
Вы предпочтете гордым и опасным
Блужданиям по горным высотам!
Я это знал!.. Но ваши ожиданья
Не сбудутся! Все ваши вопли, слезы,
Угрозы и проклятья бесполезны!
Тверда, как эти скалы, моя воля!
Не вам согнуть ее! Не вы меня,
Я вас сумею покорить! Да, я!
Сумею я найти пути и средства
Смирить ваш бунт и властно вас заставить
Идти за мной безропотно к вершине!
Но что с тобой? О, что с тобой, Амора?
Ты так бледна, ты смотришь так тревожно...

Уже ль и ты... О, не могу подумать!
Уже ль и ты против меня?.. И с ними?..
Уже ль и ты заражена тем страхом,
Которым бредит темная толпа?
Уже ль и ты, как все, поражена
Недугом слепоты? Ужели больше
Не веришь мне, как верила доныне?
О, говори!

Амора.

Мой дорогой Алькор!

Люблю тебя! Люблю, как солнце жизни!
Люблю, как яркий день! И верю, верю!
О, как я верю!.. Да!.. Но иногда—
О, не смотри так строго на меня,
Мой смелый, мой любимый!.. Иногда
Сомненья, точно змеи, начинают
В моей груди тревожно шевелиться.
И жуткий страх, страх за тебя, любимый,
Тогда сжимает сердце мне. Алькор!
О, мой Алькор! Да, ты могуч и властен,
Ты волею суровою богат,
Что всех тебе невольно покоряет,
Твой ум, как острый нож; пытливым оком
Проник ты в тайны грозные, что боги
Скрывают от людей... Но.. Но... Задумал
Ты дело страшное!.. О, дорогой!
Не хмурь бровей так мрачно и сурово!
Не проклинай меня! Не отвергай!...
Люблю тебя!.. Любовь во мне трепещет
И бьется, как испуганная птичка!..
Любовь моими говорит устами!..
Ты выслушай, молю тебя, любимый,
И уж тогда суди!..

(Боязливо оглядывается по сторонам и продолжает пониженным тоном)

Давно, давно
Когда была я маленьким ребенком,
Я слышала рассказ... Он был печален...
Три смельчака—имен я их не помню,—
Томимые каким-то беспокойством
И смутною тоской о чем то новом,
Неведомом и грозном... Да, и грозном...
Ушли от нас и в горы углубились...
То были юноши цветущие, Алькор!
То были юноши... Их больше не видали!
Никто из них обратно не вернулся!

Алькор.

То были трое! А теперь идет
Весь наш народ! Не может он погибнуть!

Амора.

О, погоди! Не все я рассказала...
Прошли года, была я уже старше
И, помню, как однажды темной ночью,
Когда шумела буря, и деревья
Трещали и сгибались до земли,
Мой дед—его давно уж нет на свете—
Нам рассказал под ветра завыванье
Старинное и грозное преданье.
Настанет некогда—так говорил он—
Ужасный день, и юноша один,
Могучий и прекрасный, возгордившись,
Безумный вызов бросит страшным силам,
Что нами и землею управляют,
И в дерзости великой и мятежной
Тот юноша... Тот юноша захочет

Подняться на вершину снеговую,
Где Муму злобный царствует от века,
И смертною ногою попереть
Равнины ледяные... Речью смелой
Смутит он многих. Волею упорной
Он увлечет слабейших за собою.
И двинутся они толпою шумной
Туда, где мрачно горы—исполины
Вздымают к небу каменую грудь...
Они пойдут, и будут дни и ночи
Карабкаться по скалам, падать в бездны,
Цепляться за уступы, вновь ползти
И выше все и выше подниматься...
Тогда от сна восстанет страшный Муму
И бешенством и злобою безумной
Он закипит!.. Он затресется весь!..

И крикнет он, и брови грозно сдвинет,
И выпустит он воинов крылатых,—
Ужасных и невиданных, подобных
И людям и коням одновременно,
Что зорко сторожат его владенья.
Как дикий вихрь, сбегут они с вершины
И тучей ринутся на смельчаков,
Давя, топча, обрушивая скалы
На головы их дерзкие, сражая
Их огненными стрелами... Никто,
Никто из тех несчастных не спасется!
Погибнут все! Погибнут жалкой смерью!
Так говорил нам дед... Его сказанье
Запало в сердце мне... И вот теперь...
Алькор! Алькор! Что, если это правда
И сбудется стариноое преданье?!
Что если... Этот юноша... О, нет!
Нет, не м.гу я, не хочу я думать!

Да, не хочу!.. Алькор, о, мой Алькор!..
Мне страшно.. мысль кипит и сердце
бьется...
Мой ум теснят ужасные виденья...
О, говори ж! Рассей мои сомненья!

Алькор.

То было много, много лет назад...
Я мальчик был еще совсем... Любил я
С товарищами в поле уходить
И там зверков степных из нор глубоких
То хитростью, то силой выгонять.
Любил я лес, прохладный и дремучий,—
Как часто мы, не ведая пощады,
Губили птичьи гнезда на деревьях
Иль весело играли на поляне
В охоту на свирепого медведя!
Любил я у реки сидеть часами,
Искать на берегу ракушки, камни,
В песке копаться, строить загражденья
Против напора волн... Я мальчик был...
Но и тогда уже какая то тревога
Меня томила... Странные мечтанья
Бродили в голове моей, рождая
Неясные и смутные желанья...
Порой, наскучив играми, бывало,
Я уходил один далеко в степь,
Ложился на траву и слушал, слушал...
И мне тогда казалося, я слышу,
Как червь во мгле ползет, как зреет колос,
Как соком наливается цветок,
Как дышит черная земля, как солнце
Там, в вышине, торжественно поет...
А то, случалось, летними ночами,

Когда все спит, прокрадусь я к реке,
Сажусь в челнок и тихо выплываю...
Таинственная жизнь меня об‘емлет...
И ночи мрак, и звездное мерцанье,
И плеск волны, и шепот камышей,
И дальний голос выпи над болотом,
Все робко будит отклики во мне...
Мне кажется, что эти звуки, краски
Знакомы мне, что где то их однажды
Уж слышал, видел я... Но где? Когда?..
Не знаю...

Мне кажется, что все, что все вокруг
И небо, и земля, и лес, и горы,
И глубь реки, и даль полей росистых,
Имеют голоса свои... Смущенно
Они молчат при ярком свете дня,
Но здесь, тепер, в стыдливом мраке ночи,
Уста их открываются, и тихо
Те голоса беседуют со мной,
И мне спешат поведать сокровенно
Великую известную им тайну,
Бездонную, как небо, тайну жизни...

(задумывается и молча смотрит в даль)

А м о р а.

Ты замолчал, Алькор!

А л ь к о р.

(оживляясь)

И вот, Амора,
В те дни далекие однажды видел
Я странный сон... С надзвездной высоты
Средь бела дня слетел орел внезапно,
Схватил меня в могучие об‘ятья,

И взвился снова к небу, как стрела.
Я был испуган... Сердце трепетало,
Как бабочка... В ушах я слышал свист,
Свист воздуха под взмахом крыл орлиных...
Мы мчались, словно вихрь... Себя считал я
Погибшим и покорно смерти ждал...
Но мне орел сказал: „Не бойся, мальчик!
„Я зла не причиню тебе! Ты призван
„Великие деянья совершить!
„Я покажу тебе виденье Счастья
„И путь, который к Счастию ведет!“
И он вознес меня на горную вершину,
Ту, что сейчас пред нами догорает
В лучах последних гаснущего дня,
И мне сказал: „Смотри!“ И я увидел
Воды неизмеримые пространства
Без берегов и края, а на них
Ладьи большие с белыми крылами,
Роскошные сады, где громко пели ,
Красивые и радостныя птицы,
Деревья же склоняли ветви долу
Под благодатной тягостью плодов;
Простор полей безгранных, колосистых,
Сверкавших тихо желтыми огнями
Под поцелуями полуденного солнца,
К земле клонившихся в истоме изобилья...
И люди были там, полны веселья,
В одеждах светлых, с ясными глазами,
Как будто тень заботы и печали
Их лиц не омрачала никогда.
И звери были там—медведи, тигры,
Пантеры, кабаны, гиены, волки,
Но все они склонялися покорно
Пред волею могучей человека!..

Я все смотрел... Менялись быстро, быстро
Картины предо мной... Спадала
Какая то завеса с глаз моих ..
И счастье полное без края и без меры,
И сладкое и острое, как боль,
Все существо мое блаженством наполняло,
Которого не выразить словами.
Готов я был и плакать, и смеяться,
И вновь лететь к далеким небесам.
И так сказал орел: „Ты видел Счастье!
„Ты должен сделать свой народ счастливым!

„Ты должен привести его сюда!“
Проснулся я... Была глухая ночь...
Все спали в шалаше... Осенний ветер
Уныло над землей стонал во мраке..
Дождь плакал... Мокрые деревья гнулись
И жалобно шумели... Выли волки...
И голос их пронзительно свирепый,
Как острый нож, мне в сердце проникал...
С тех пор минули годы Из ребенка
Я превратился в юношу. Позднее
Я стал вождем народа моего
Я жил, я много думал. Острой мыслью
Я глубины познания изведал,
Я горечь опыта до времени постиг,
Я научился трудному искуству
Толпою управлять В боях с врагами
Я славу воина отважного стяжал,
В охоте, на коне, В веселых играх.
Я первым стал. Никто не мог равняться
Со мною силой, ловкостью, уменьем!
Меня любил народ, и возвеличен
Я всеми был, как вождь и как герой ..

Но сна того чудесного, Амора,
Я больше никогда забыть не мог!
Не мог забыть картин тех величавых,
Что мне открылись с горной высоты!
Не мог забыть того виденья Счастья,
Безкрайнего, безмерного, как небо,
Той полности и радости блаженства,
Что испытал я, стоя на вершине!
И жгучая тоска по тем мгновеньям
Сосала сердце мне. Я все хотел
Их повторить, хотел увековечить!
Какое то глухое беспокойство
В меня вселилось. Словно хищный зверь,
Оно во мне лукаво притаилось,
И часто в тихие часы раздумья
Оно из тайников глубоких выходило
И острыми когтями начинало
Мне грудь терзать мучительно и больно.
И голос тот орлиный, что услышал
Я, стоя на вершине, никогда
Не покидал меня. Во сне и на яву
Он мне звучал: „Ты должен! Должен! Должен!“

И все кругом — и ветер [illegible],
И темный лес, и шумная волна,
И пенье птиц, и блеск зари вечерней,
И бури стон и молний трепетанье,
И тучи, и ночная непогода
Все, все вещало грозно мне: — „Ты должен!
„Чего ж ты ждешь? Иди, иди туда!“
И я пошел!.. Пусть бездны и потоки
Мне преграждают путь, пусть злобный Муму.

Мне в сердце мечет огненные стрелы,

Пусть духи зла вонзаются мне в тело
Зубами острыми, пусть боги угрожают
Мне гибелью позорной и ужасной,
Пусть люди в слепости и исступленьи
Против меня безумно восстают
Мне все равно! Клянусь луной и солнцем,
Клянуся звездным небом и землей,
Клянусь сияньем дня и мраком ночи,
Клянусь таинственной и грозной силой,
Что мной повелевает и ведет
Меня вперед, клянусь любовью нашей,
Ничто, никто меня не остановит!
Мой ясен путь! Бестрепетно и смело
К сверкающей вершине я пойду!..
А ты, моя Амора? Ты... пойдешь ли?

Амора.

О, да, пойду пойду с тобой повсюду!
Ты победил, Алькор, мои сомненья,
Твои слова зажгли во мне огонь;
Мне хорошо! Я вся полна восторгом!
Я верю!.. Верю! То был вещий сон!..
То бог неведомый, но грозный и великий,
Бог более могучий и прекрасный
Чем те, которых знали мы доныне.
Его послал тебе... И тайный голос,
Что слышал ты,—то голос Бога был!
Я знаю, это так! Иди ж смелее
Ту́да, куда влечет тебя орлиный взор!
Не бойся духов зла! Держи свой путь пря-
мее!
Я говорю тебе: ты победишь Алькор!

Алькор.

(бросаясь к Аморе и обнимая ее)

О, дорогая! Как я горд и счастлив!
Твои слова, как пѣсня боевая,
Что вдохновляет воинов к победе!
Твои уста дрожат, лицо сияет,
И взор горит.. Ты вся, как божество!..
Грядущее свой лик мне открывает:
Я вижу, вижу наше торжество!

(Оборачивается в сторону лагеря)

А там внизу... Горят костры и к небу
Вздымаются дымки .. Вокруг огней
Хлопочут люди... Маленькие дети
Шумят и плачут... Матери готовят
Вечернюю еду голодным семьям...
Мужчины курят трубки и молчат.
И смотрят в землю хмуро и угрюмо...
И может быть меня клянут... Меня!
За что? За то, что Счастье, только Счастье
Хочу я дать народу своему!
О, мой народ! Ты слаб и легковерен,
Ты вспыхиваеш быстро, как костер
Из высохшей травы, но также быстро
Ты снова гаснешь... Птицей легкокрылой
Возносишься ты к небу, но оттуда
Ты падаешь опять легко на землю,
Вниз тяжестью своею увлекаем...
Ты к подвигам готов, но слишком скоро
Ты устаешь от жертв и малодушно
Ползти готов в привычную нору...
Непостоянство—вот твоя натура ..
И слепота—вот горший твой порок!
И все таки люблю тебя глубоко,
Люблю любовью страстной, вдохновенной!..
О, мой народ! Я—плоть твоя и кровь!
Я сын твой от рожденья до могилы!

Тобой я создан, вскормлен и взлелеян,
Тебе служить я буду до конца!
И знаю я, под толстым слоем пепла,
У каждого из сыновей твоих
Таится в сердце маленькая искра
Того огня, что факелом могучим
Горит в моей груди... Я должен, должен
Раздуть ту искру в блещущее пламя!
Я должен вдохновить тебя на подвиг!..
Но, если ты, народ, в постыдном равно-
душьи
Иль в слепоте тупой и безразличной
Ты не сумеешь сам преодолеть.
Своей натуры суетной и слабой
И воли к подвигу в груди своей найти,
Знай, я тебя спасу! Тебя насильно
Я поведу к вершине, поведу!

Сцена 5-я.

Лунная ночь. Узкое горное ущелье. По дну ущелия медленно подвигается длинная лента людей, лошадей, скота и проч. Впереди верхом на лошади. Алькор, рядом с ним, также верхом, Амора. Справа-пропасть. Из глубины доносится шум горного потока. В отдалении слегка рисуются контуры вершин.

Алькор.

Вперед! Вперед! К сверкающей вершине
Как длинная змея, по дну ущелья
Мы растянулись. В пестром беспорядке
Смешались люди, кони, скот... Конца не видно!
И шаг за шагом, твердо и упрямо
Идем все выше, выше по уступам,
Все время сокращая расстоянье.
Что залегло меж нами и вершиной.
Амора дорогая! Как я счастлив!
Свершается мечта моя, и сердце
Так гордо и так радостно поет!
Я знаю, долог путь, лежащий перед нами,
И грозны испытанья, что нас ждут.
Я знаю, много верных, и отважных,
И сильных духом в бурях и невзгодах
Мы потеряем прежде, чем достигнем
Желанной цели: те погибнут жалко,
Сорвавшись в пропасти, другие
Не вынесут лишений и тревог.
Да труден путь! Но что бы ни сулило
Грядущее нам,—мы идем! Идем!
Мы с каждым шагом ближе, ближе к цели!
О, эта мысль горит во мне огнем,
Она пьянит меня, собою наполняя

Все существо мое! В себе я ощущаю
Ту силу исполинскую, что может
Все козни победить и, как тростинку,
Тягчайшие преграды сокрушить!
О, духи тьмы, явитесь предо мной!
Я здесь, я вызываю вас на бой!

Амора.

Алькор! Алькор! Будь осторожен, милый!
Что, если духи тьмы услышат вызов,
И, гневом воспылавши, захотят
Нам повредить? Да, знаю я, они
Не столь могучи, как тот Бог великий,
Чью волю ты творишь, но для чего же
И духов тьмы без нужды раздражать?

Алькор.

Они молчат! Никто не появился!
Они меня боятся!

Амора.

Погоди!
Еще не кончен путь наш до вершины!

Алькор.

Лишь верь в меня, Амора дорогая,
Иди за мной смелей,—мы победим!

Амора.

О, верю, верю я! Ты вождь великий,
Ты нас к вершине светлой приведешь!

1-й из толпы.

Все круче путь и все труднее. Ноги
О камни острые изранены до крови.

От вьюков плечи ноют и болят.
Немеет тело, скованы все члены
Усталостью... А мы идем, бежим,
Как будто гонится за нами враг свирепый.
Безумие! Я говорил всегда,
Что лучше нам в долине оставаться,
Где жили наши деды и отцы!
Не слушали меня... Смеялись только
И за Алькором шли... Но погодите!
Увидите теперь вы, как опасно
Испытывать терпение богов!
Увидите, что значит дерзновенно
Заветы мудрых предков попирать
И слушаться мечтателей безумных!
Да, да! Не быть добру! Я это знаю!
Я это чувствую! Погубит нас Алькор!

2-й из толпы.

Чего боишься ты? О чем вздыхаешь?
Зачем, как ворон черный и зловещий,
Ты каркаешь до времени о смерти?
Не говорил ли нам Алькор всегда,
Что труден будет путь? Зато нас ждет
Великая награда на вершине!
Не говорил ли он, что Бог могучий,
Бог тайный и неведомый, который
Его ведет, сильнее во сто крат,
Чем те, которых мы доныне
Так чтили и так трепетно боялись?
Ты помнишь ли, когда последний раз
Алькор стоял пред нами, убеждая
Всех робких духом следовать за ним,
Его могучей воле покориться,—
Ты помнишь ли, как молнии сверкали

Его глаза, а голос был как гром?
И я тогда почувствовал, поверил,
Что он нам послан тем великим богом,
Который путь к вершине указал!
Нет, нет! Алькор-могучий вождь, и всюду
За ним идти готов я! Он—я знаю-
Нас приведет к победе, к торжеству!
А ты... Ты просто трус! Ты-маловерный!
Молчи и слабых духом не смущай!

3-й, из толпы.

О чем вы спорите? И так наш путь не легок,
А вы его хотите отягчить
Еще борьбой и распрями пустыми!
Все ваши споры праздны и бесцельны,
Никто не знает истины! Быть может,
Алькор-великий вождь, посланник бога,
А может быть, безумец и мечтатель!
Быть может, бог Алькора-бог великий,
А может быть-обманчивая тень!
Быть может, ждут нас счастье и победа,
А может быть, нам гибель суждена!
Грядущее от наших глаз сокрыто-
Кто скажет, что с собой оно несет?
Не думайте же, братья, слишком много
О будущем иль прошлом-безразлично,
Живите настоящим, повинуйтесь
Своим вождям! Поверьте старику
Так поступать и проще и умнее!
Конечно там, в долине, было лучше,
Чем здесь, на этих голых крутизнах,
Но, если нам Алькор повелевает
Идти вперед, должны мы с ним идти!

4-й из толпы.

[В ужасе].

Что вижу я? Что вижу? Ночь темнеет!..
Луна исчезла!.. Сумрак опустился
На горы и ущелья!..

5-й из толпы.

Злобный ветер
Свистит кругом и хлопьями тумана
Бросает в нас! Не видно ничего!

6-й из толпы.

Куда идти? Кругом все мгла сырая,
Не вижу я соседа своего!

7-й из толпы.

Как будто облако упало с неба
И нас покрыла шапкою седой!

1-й из толпы.

Я говорил не быть добру!
(бросаясь к Алькору)
Безумец!
Куда завел ты нас? Ты на погибель
Обрек народ свой! Дерзостью безмерной
Разгневал ты богов! На нас навлек ты
Их месть свирепую! Будь проклят ты!
Будь проклят!

Гул голосов толпы.

О горе! Горе! Тьма кругом густеет!
Алькор, где ты?.. Спаси же нас, спаси!

Амора.

[хватая Алькора за руку]

Алькор, мне страшно!.. О, скажи скорее,
Что значит этот мрак? Зачем так дико
В ущельи темном ветер завывает?

Алькор.

(громовым голосом с седла)

Не бойтесь, братья! Стойте! Стойте!
Стойте!
Исчезнет скоро мрак! Мы победим!

(В это время тьму на мгновение прорезывает яркий луч света и из мрака раздается голос)

Первый голос.

Камни на камни!
Скалы на скалы!
К дальнему небу мы смело ползем!
К гордой вершине,
К тайнам познанья,
К царству блаженства мы вход стережем!
Горе безумцам,
В горы идущим
Дерзко нарушить наш вечный покой!
Стойте о, люди!
Нет вам дороги!
Камни на камни встали стеной!

Эхо.

Камни на камни встали стеной!

(Впереди внезапно вырастает высокая отвесная стена, запирающаям выход из ущелья)

1-й из толпы.

Воздвигли боги грозную преграду!
Нам нет пути вперед! Назад в долину!

Гул голосов толпы.

Нам нет пути вперед! Назад в долину!

А л ь к о р.

Ни с места! Стойте! Стойте! Маловеры!
Чего вы испугались? Бледной тени?
То не скала перед нами, не утес!
То пелена лишь легкая тумана,
Принявшая утеса очертанья!
Смотрите я пронжу ее копьем!
Я сквозь нее проеду невредимо!

(Бросает копье, которое пронзает пелену тумана, потом сам едет вперед, туман, разступаясь, пропускает его).

2-й из толпы.

Он прав он прав! То был туман,-не больше!
Смелей вперед! Нам нечего бояться!

Г о л о́ с а.

Смелей вперед! Нам нечего бояться!

1-й из толпы.

Пускай то был туман! Но все ж вернее
Спуститься было бы назад в долину!

Г о л о с а.

Смелей вперед! Идем мы за Алькором!

(Снова яркий луч света на мгновенье прорезывает тьму и из мрака слышится голос).

Второй Голос.

С горных высей, из туманов,
Снеговых полей и льдин
Мы стремимся, мы несемся,
В глубь синеющих долин!
Как раз'яренные звери
В искрах гнева, в пенье слез,
С гулким ревом дико скачем
Мы с утеса на утес!
Ни спасенья, ни пощады
В горных водах не найти!
Мы несемся, все живое
Сокрушая на пути!
Стойте ж дерзкие безумцы!
Прочь с дороги! Мы идем!
Трепещите! Как былинку,
Мы сметем вас, мы сметем!

Эхо.

Мы сметем вас, мы сметем!

(В непосредственной близости внезапно раздается грозный гул исполинского водопада)

Голоса

(в ужасе кричат)

Вода! Вода! Погибли мы! Погибли!
О, для чего мы на гору пошли?!

1-й из толпы.

Я говорил вам, братья, это раньше!
Я говорил, не слушали меня!
Послушайтесь теперь, еще не поздно!
Оставьте же опасного безумца!
Пускай один идет! Пускай погибнет!
Он заслужил! А вы-назад в долину!

3й из толпы.

Тонуть я не хочу,-назад в долину!

5-й из толпы

Не медлите,-все ближе грохот, ближе!

6-й из толпы.

Бежим! Бежим! Вода нас настигает!

Гул голосов толпы

Бежим! Бежим! Вода, нас настигает!
(Часть толпы поварачивается и бежат вниз)

2-й из толпы.

Алькор! Алькор! Они бегут! Что далать?

Алькор.

Несчастные, куда вы? Стойте! Стойте!
Назад нельзя, назад отрезан путь!
Там пропасти, там каменныя кручи,
Туман и мрак! Там смерть, там смерть
вас ждет!

Амора.

Напрасно все!.. Бегут!.. О, что я слышу?!
То крики ужаса! То вопли и проклятья!

Голоса.
[из тумана]

Сорвались в бездну! Смерть нас сторожит!
О, горе! Горе! Где искать спасения?

Амора.

Они идут назад!

Алькор.

[громовым голосом]

Не бойтесь, братья!
То духи зла нас призраком пугают!
Но пусты и бессильны их угрозы!
Нет горных вод, несущих нам погибель!
Нет водопада страшного! То слышен
Лишь рев потока в пропасти глубокой,
Густым туманом гулко отраженный!

(Бежавшие постепенно возвращаются назад)

Голоса

[спокойнее]

Воды все нет! Мы испугались тени!

Амора.

Смелей вперед! Идем же за Алькором!

Голоса.

Смелей вперед! Идем же за Алькором!

(Шествие начинает медленно двигаться вперед)

1-й из толпы

[грозя кулаком Алькору]

Ну, погоди проклятый, погоди!

(Яркий луч света на мгновение прорезывает тьму и из мрака слышится голос)

Третий голос.

В клубах сверкающего дыма,
В потоках лавы огневой,
Из темных бездн неудержимо
Я выхожу на свет дневной!

Я царь-огонь! Мне мир подвластнен,
Мое дыханье смерть несет!
Мой поцелуй-горяч и страстен
Испепеляет небосвод!
Кто вы, ничтожныя созданья?
Куда дерзнули вы пойти?
К вершинам счастья и познанья
Вам все заказаны пути!
Назад! Назад! Назад! В долину!
Я так хочу! Я так велю!
Всех непокорных властелину
Испепелю, испепелю!

Э х о.

Испепелю, испепелю!

(Скала впереди раскалывается, из трещины вырываются языки пламени и клубы дыма)

Гул голоса толпы.

Огонь! Огонь! Падите ниц! Падите!
О, грозный бог, внемли и пощади!

(Толпа падает на колени, многие в ужасе касаются головой земли)

1-й из толпы.

Разгневан бог! Он мечет дым и пламя!
Он огненную пасть свою открыл!
И, если мы, о, братья, не сумеем
Достойной жертвой гнев его смягчить,
Он нас испепелит! Мы все погибнем!

Голоса.

Да, жертву, жертву богу! Но какую?

1-й из толпы.

Кто нас сюда завел?

3-й из толпы.

То был Алькор!

1-й из толпы.

Кто возмутил народ? Кто нас поссорил
С могучими богами, что землею
И небом управляют?

4-й из толпы.

То был он же!

1-й из толпы.

Кто виноват, что страшный бог огня
Готов пожрать нас?

5-й из толпы.

Виноват Алькор!

1-й из толпы.

Он виноват,-он должен быть и жертвой!
Идемте ж, братья, и убьем его!
Кровь дерзкого безумца, да послужит
Нам искупленьем пред лицом богов!
Скорей! Скорей! Нельзя терять минуты!
Огонь все ближе, ближе... Смерть Алькору!
Смерть, смерть Алькору! Он нас погубил!

Голоса.

Смерть, смерть Алькору! Он нас погубил!

(Часть толпы с угрожающими жестами бежит по направлению к Алькору)

2-й из толпы.

Ни с места! Стойте! Стойте! Как могли вы
Поднять преступно руку на того,
Кто выполняет праведную волю
Великаго, неведомого Бога!
Назад! Назад! Опомнитесь, безумцы!
Не допущу, чтобы единый волос
Упал с священной головы вождя!

(Угрожающе поднимает копье, к нему сбегаются сторонники Алькора, каждую минуту готова завязаться схватка)

1-й из толпы.

Не слушайте его! Вперед смелее!
Смерть, смерть Алькору! Смерть! Долой его!
Где ваши копья луки, стрелы, камни?
Стреляйте! Бейте! Из пращей мечите!
Не медлите! Иначе мы погибли!

(В Алькора летит туча камней, один из них попадает в голову, из раны течет кровь)

Амора.

[испуганно]

Ты ранен, дорогой?.. Лицо покрылось
Смертельной бледностью.. О, что с тобой?.
Скорей, скорей! Перевяжу я рану
И кровь остановлю!

Алькор.

[к Аморе]

О, да, Амора,
Я ранен, но не в голову, а здесь!

(Указывает на сердце)

Но ты не бойся, буря пронесется,
И мы пойдем! Пойдем вперед к вершине!

(Выезжает вперед и обращается к наступающей толпе)

Несчастные! Я требую от вас
Немедленной покорности! Смиритесь!
Сложите ваши копья луки, стрелы!
Забудте замыслы мятежные! Ни с места!
Я требую того, ваш вождь и повелитель!
Ни слова! Горе каждому из вас,
Кто не захочет мне повиноваться!..
Несчастные! Какой безумный дух
Вселился в вас! Какое исступленье
Ваш ясный ум внезапно помрачило?
О, люди жалкие, чего боитесь вы?
Что ваше сердце ужасом сжимает?
Смотрите ж, маловерные, смотрите!
Здесь нет огня, нет дыма, нет угрозы,
Здесь на изломах скал туман клубится
И сквозь него глядится красный месяц
Неверным светом с звездной высоты!

(Толпа успокаивается и отступает)

Голоса.

Да! Да! То красный месяц! Красный месяц!
Как это не заметили мы раньше?!

Алькор.

Сомкните же ряды! Смелей за мною!

Гул голосов толпы.

Смелей вперед! Смелее за Алькором!

(Шествие начинает двигаться, в это мгновение яркая молния прорезает мрак, слышится страшный удар грома, в толпе паника)

Амора

(испуганно)

Алькор! Алькор! Ужель проснулся Муму?
Ужели сбудется старинное преданье?

Алькор.

Вперед! Вперед! Мужайся, дорогая!

Гул голосов толпы.

То Муму злой! То Муму пробудился!
О, горе! Горе! Нет для нас спасенья!

(Молнии сверкают все чаще, удары грома сливаются в один непрекращающийся гул)

1-й из толпы

(поднимая руки к небу)

О, Муму грозный! Ты, что полон гнева
Открыл свои ворота ледяные
И выпустил на нас грозой летучей
Крылатых воинов с стрелами огневыми!
Ты, что громами небо потрясаешь
И заставляешь в страхе трепетать
И глубь долин, и скалы, и ущелья,
Ты страшный и могущественный Муму,
Внемли моей мольбе! О, порази
Стрелой своею дерзкого безумца,
Что возмутил людей против богов!
Да сгинет он! Да будет справедливость
Отомщена! Возми его! Возьми!

(Молния ударяет в скалу около Алькора и разбивает ее вдребезги, но не задевает Алькора)

Гул голосов толпы.

О, горе! Горе! Горе! Горе!
Помилуй, пощади нас, грозный Муму!

1-й из толпы

(в ужасе)

Он невредим! Сам Муму всемогущий
Бессилен причинить Алькору зло!
Но кто же ты, Неведомый и Грозный,
Чья длань безумца дерзкого хранит?
Кто ты, питающий его гордыню,
Его ведущий к горной высоте?!

3-й из толпы.

Гром не стихает!

4-й из толпы

Огненные кони
По небу мчатся, гривами махая!

5-й из толпы.

И сыплет огненныя стрелы в нас!

6-й из толпы.

Я вижу, всадники крылатые несутся
И копья в нас бросают! Горе! Горе!
Нам не спастись!

(Начинается страшный ливень)

Голоса.

Вода! Вода! Мы тонем!
Огонь с водой смешались! Злобный Муму
В нас грозно мечет стрелы водяные!

7-й из толпы

Бегите все! Спасайтесь! Смерть идет!

Гул голосов толпы.

Бежим! Бежим! О, пощади нас Муму!
Да будет проклят он, безумец дерзкий!

(Люди и животныя в ужасе бегут, куда глаза глядят, многие срываются со скалы и с громкими криками падают в пропасть)

Алькор

(громовым голосом)

Остановитесь! Все скорей под кручу!
Там скалы защитят нас и спокойно
Мы бурю переждем!

(Все, тесно прижимаясь друг к другу, прячутся под выступом утеса]

Мужайтесь, братья!
То духи мрака в ужасе и злобе
Последние усилья истощают,
Чтоб нас в движеньи гордом к высоте
Остановить! Но тщетны их надежды!
Уж всходит день! Горит заря рассвета!
Мы спасены! Победы близок час!

[Гром и молния прекращаются, ливень постепенно стихает, туман рассеивается. В ясном утреннем воздухе четко вырисовываются очертания вершины, позолоченной первыми лучами восходящего солнца]

Голоса

(радостно)

Рассвет! Рассвет! Исчезли духи ночи!
Мы спасены! Победы близок час!

1-й из толпы

(Алькору)

Ты победил!

2-й из толпы.

Да здравствует Алькор!

3-й из толпы.

Вперед! Вперед! Алькор-посланник Бога!

А м о р а.

Дерзай, Алькор! Взойдешь на эти кручи
Таинственною силою храним!

Гул голосов из т о л п ы.

Да, здравствует Алькор, наш вождь могучий!
Да здравствует Алькор! Мы победим!

Конец первого акта.

Акт второй

Действие происходит в монастыре, расположенном на склоне высокой снежной вершины. Между первым и вторым актом проходит ряд тысячелетий.

Действующие лица второго акта

Джордано
Франческа
Настоятель
Антонио
Доменико
Послушник
Монахи
Священник
Поселяне
Богомольцы
Слепая
Рыцарь
Вельможа
Голос свыше
Хор певчих
Толпа
Голоса из толпы

Сцена 1-я.

Монастырская келья. Из окна кельи вид на монастырский двор, главный монастырский храм в дали—на снежную вершину. Яркий, солнечный день

Джордано.

(у окна)

Довольно лжи, обмана и притворства!
Довольно мук, сомнений, колебаний!
Я больше не могу молчать! Не смею!
Смирение! Как часто это слово
Я слышал от наставников моих!
Смирение! Как часто этим словом
Трусливым, жалким словом—отвечали
Они на вопль души моей пытливой,
Искавшей жадно выхода из тьмы!
Смирение! Как часто этим словом
Во мне они пытались погасить
Огонь неутолимого исканья,
Святой огонь проснувшегося духа!
Смиренье! Я не хочу смиренья!
Я не рожден трусливою овцой,
Что ищет себе пастыря и слепо
За ним идет, клоня покорно выю!
Мой ум кипит, в нем—буря и тревога,
В нем—вихри мыслей смелых и горячих,
В нем—неотступный, вечный, беспокойный
Вопрос вопросов: Почему? Зачем?

(Задумывается и потом продолжает, глядя на вершину)

Я помню, в годы сумрачного детства
В стенах монастыря, вдали от света,
Вдали от ласки, радости, любви
Я жил одной мечтой, одною мыслью

О той вершине гордой и прекрасной,
Что свой венец алмазный дерзновенно
Вонзает в неба голубую высь,
И мысль одна—всегда одна и та-же
Тревожила мой детский ум:—„Что там?
„Что там „на этой царственной вершине,
„В волшебном мире льдов и облаков?“
Мне разгадать хотелось эту тайну,
На крыльях духа радостно и смело
Я возносился к горной высоте!.
И часто в тишине ночей бессонных
Я выходил украдкой за ограду
И пробовал карабкаться на скалы,
Что окружали монастырь кольцом,

(Погруженный в воспоминания, Джордано начинает задумчиво ходить по келье из угла в угол. Потом он снова останавливается у окна и продолжает.)

Однажды мой учитель престарелый
Меня увидел за стеной ограды
И удивленный строго вопросил,
Что делаю я там? Ему покорно
Поведал я мои желанья, мысли,
Мои мечты. Он был взволнован,
Лицо его тревогой омрачилось,
Печаль звучала в голосе глубоком
И он сказал: „Мой сын! Молися богу!
„Ты согрешил: то дьявольские козни
„Смущают дух твой юный! Враг Господень
„Тебе расставил сети, искушая
„Твой ум нетвердый призраком гордыни...
„На той вершине, дивной и прекрасной,
„Что взор пленяет твой,—там царство Бога!
„Там Бог живет,—великий, вездесущий,
„Бог всеблагий, всемудрый, всемогущий,

„Бог—справедливость, Бог-любовь!
„В его руках ключи от счастья жизни,
„От мрака смерти, от глубин познанья.
„Сонм ангелов Господних охраняет
„То царство света. Ни один незванный
„Переступить не может врат его!
„Нам смертным не дано туда проникнуть!
„В своей великой мудрости Господь
„Определил однажды и навеки
„Пути, что нас к спасению ведут.
„Он повелел нам пребывать в смиреньи,
„Нести свой крест с терпеньем и надеждой,
„Не искушать Его гордыней духа,
„Склоняться пред Его святою волей,
„Творить добро, довольствоват ся малым
„И верить в воскресение за гробом
„В день страшного суда. И, если мы
„Его завет исполним в этой жизни,
„Он в благости своей неизреченной
„Позволит нам в пределы царства света
„Войти по смерти... Лишь тогда, мой сын,
„О, лишь тогда ты сможешь вознестись
„На гордую вершину! Лишь тогда
„Ты сможешь испытать блаженство счастья
„И глубины познания изведать!
„Беги ж, пока не поздно, искушений,
„От демона коварного идущих!
„Своей души бессмертной не губи!
„Молись, молись, мой сын! Проси смиренно
„У Господа защиты и прощенья!
„Да ниспошлет Он ангелов прекрасных
„Тебя спасти от дьявольских сетей!“
То умоляя, то грозя сурово,
Он страстно заклинал меня смириться,

Забыть мои греховные мечты,
Навеки отказаться от попыток
Подняться на вершину... Дух мой юный
Был потрясен учителя словами;
Упав пред алтарем, рыдал я долго
И Господа униженно молил
О милости... В отчаяньи считал я
Себя навек отверженным, погибшим...
Не знал я сна, покоя; точно пламя
И днем и ночью грудь мою сжигало...
Постами, бичеваньями, молитвой,
Трудом тяжелым, бденьями ночными
Я плоть свою старался укротить
И на гордыню пламенного духа
Железные оковы наложить!

(На мгновение задумывается и затем продолжает с все возростающей горячностью)

Напрасны были все мои усилья!
Мой непокорный дух не знал смиренья!
Как дикий конь степной, он рвал все путы,
Которыми связать его пытались;
Как птица легкокрылая, он смело
К сверкающему солнцу возносился
С победной песнью на устах, купаясь
В бездонных глубинах небес лазурных...
Мой ум горел, и страшные вопросы
Теснились в голове моей, как тучи.
Ужели прав учитель, и спасенье
Возможно только там... за гранью смерти?
Ужели царство бога на земле
Безплодная мечта? Ужели Счастье,
Которого сердца людей взыскуют,
Таится в глубине могилы темной?
Ужели та могучая вершина,

Что с силою неведомой к себе
Меня влечет, останется при жизни
Мне недоступной, и лишь бледной тенью
Я вознесусь по смерти на нее?
И я, в ком ум горит и сердце бьется,
В ком сила мощная кипит,
Я не могу, не должен шагу сделать,
Вперед и выше к небу? Почему?
Да, почему? Или грехом вдруг стало
Творить добро? Или желать, чтоб Счастье
Крылом своим, ласкаяя, осенило
Юдоль страданья, значит дерзновенно
На Бога восставать? Нет! Нет! Мой ум
Не мог принять той мудрости смиренья,
Той рабской мудрости бездействия, которой
Молились все наставники мои!
Мой дух был полн мятежного дерзанья,
В нем пламенели гордость и отвага;
Хотелось мне, как новому Самсону,
Руками мощными внезапно потрясти
Столпы, что зданье жизни подпирали,
И, свод обрушивши, построить на руинах
Иное зданье—лучше и прекрасней,
Чем старое! Я гнал со страхом прочь
Те мысли буйные,—они не уходили!
Как стая воронов, они упрямо
Кружились в голове моей, смущая
Младенческий покой моей души.
Я близок был к безумию... В смятеньи,
В отчаяньи искал я в слове божьем
Спасения. Священное писанье,
Житья пустынников, апостолов творенья,
Решения соборов христианских,
Послания князей великих Церкви,

Все, все читал я жадно, поглащая
Их мудрость скудную, как воду поглащает
Песок пустыни знойный и горячий..
Бесплодны были все мои исканья!
Я не нашел ответа на вопросы
Что ум терзали мой!

(Входит послушник)

Послушник.

Всевышнего рука
Да будет над тобою брат Джордано!
От настоятеля я послан. На совет
Тебя он приглашает. День великий
Нас ожидает завтра, Монастырь
Готовится торжественно и пышно
Отпраздновать святую годовщину
Того, кто в милости своей неизреченной
Был нашим покровителем всегда.
За час перед вечерней будь на месте
В покоях настоятеля. Решенья
Последние должны вы там принять.

(Хочет уйти)

Джордано.

(останавливая его)

Не уходи! Скажи мне, что творится
В монастыре? Большое ль оживленье
В его ограде! Много ль богомольцев
Из стран далеких прибыло на праздник?

Послушник.

Их тьмы пришли со всех концов земли!
Каких племен, каких цветов, наречий

Не встретишь тут, сейчас о, брат Джор-
дано!
И великаны севера с глазами,
Как небо синими, в звериных шкурах,
И дети пламенные знойного востока
В одеждах ярких с бронзовым отливом
На лицах загорелых... Эфиопы,
Как уголь, черные из стран полдневных..
Мужчины, женщины, младенцы, старики,
Больные и здоровые... Калеки,
На костылях .. Убогие .. Слепые..
Нечистым одержимые.. Все, все
Пришли сюда! В стенах монастыря,
В селеньи за оградой монастырской,
В палатках и шатрах по склону гор
Они расположились. Шумный табор
У врат обители внезапно вырос..
Ты слышишь-ли, Джордано, смутный гул,
Что в келью твою робко проникает?
То гул толпы, пришедшей издалека
На праздник наш великий... Никогда —
Так старцы повествуют—не бывало
Подобного скопления народа;
То знаменье Господнее: почиет
На нас Его святая милость!

(Уходит)

Джордано

(Один).

Их тьмы пришли со всех концов земли!
Их тьмы пришли! С младенческою верой
В Всевышнего, что миром управляет!
С наивною надеждой на Того,
Кого они считают всемогущим!

Из мрачных и бессолнечных теснин,
Где жизненный поток их протекает,
Они сюда, как дети, принесли
Все слезы и всю боль, что неизбывно
Их страждущие души омрачают!
И в страстном ожиданьи избавленья
Они падут у алтаря Его..
И будут биться головой о землю...
И, как рабы, валяяся во прахе,
Ломая руки, будут плакать... Будут
Молить Его о счастьи, о спасеньи...
А им в ответ, молчание храня
И равнодушным оком глядя, будет
Пустое небо холодно смеяться!
Смеяться над страданьем и тоскою,
Смеяться над горячими слезами,
Смеяться над трепещущею верой,
Смеяться над порывом вдохновенным
К свободе, свету, счастью!.. О, проклятье!
Нет, нет! Я не могу молчать! Не смею!
Я должен с их очей сорвать завесу!
Я должен принести им плод познанья,
И веру детскую в Всевышнего убить,
И для тебя, владыка гордый Разум,
Весь дольний мир, как царство, покорить!
Пусть завтра, — день обмана, день смиренья —
Во истину великим станет днем,
Днем скованного духа пробужденья,
И истины прекрасным торжеством!
Иду! Векам бросаю вызов смело!
Горит на мне грядущего печать!
О, Разум мой! Твое вершу я дело!
Дай силу мне и волю устоять!

Сцена 2-я.

Большой монастырский двор с походными лавочками, деревянными столами и скамьями по краям. Продаются с'естные припасы, мед, вино, амулеты, изображения святых, четки, кресты и т. п. Двор переполнен пестрою толпой местных поселян, богомольцев, калек и проч. Люди, то бродят в одиночку, то собираются группами, пьют мед и вино, разговаривают. Несколько поселян, собравшись кучкой, оживленно беседуют.

Входит Джордано и незамеченный ими молча прислушивается к разговору.

1-й поселянин.

Богат наш монастырь! Червонцами полна
Его казна. На алтарях священных
Алмазы и рубины ярко блещут,
Иконы бриллиантами сверкают,
Весь купол храма золотом покрыт;
В подвалах, кладовых хранится много
Каменьев драгоценных, редких тканей,
Старинных вин, плодов, запасов хлеба,
И янтарей и слитков серебра.
Богат наш монастырь! Богат и славен!
Нет равного ему!

2-й поселянин.

Так говорят!
Да, да! Отцы святые не теряют
Напрасно времени! Хоть Бог им завещал
Заботиться о небе, но умеют
Они пещись и о земным делах!
В вине, в плодах, торговле и процентах
Монахи знают толк, купец искусный
Не мог бы лучше знать... А их владенья!

Луга, леса, поля, сады, и нивы,
Что монастырь своими называет,
Кто их считал? Кто ведает их меру?
То лучшие сокровища земли.
И мы своим их потом поливаем,
Мы трудимся на них... Так почему же
Не быть монастырю богатым?

3-й поселянин.

Правда.

Мы землю монастырскую взрываем.
Мы в борозды бросаем семена
И спелый плод в амбары убираем!
От нас отцы святые богатеют!
У нас сидят на шеи! А попробуй
Не выйти на работу,—так узнаешь
Христовой милости! Кнутом и саблей
Монахи на поля к себе загонят!

4-й поселянин.

А богомольцы! Деньги, деньги, деньги
Они несут сюда со всех сторон!
За четки, окропленные из чаши,
Стоящей у иконы чудотворной,
Дают по золотому! За кресты,
Что делают монахи, за распятья,
За ладанки, за дерева кусочки
От раки, где покоятся нетленно
Святые мощи, за браслеты, кольца.
Что талисманом служат и хранят
От козней дьявола, от пули и болезней,
За все, за все берут монахи деньги!
К ним золото звенящее струей

Течет со всех сторон и утучняет
Их нивы и поля!

5-й поселянин.

[таинственно]

А правда ль, братья,
Что в раке нет мощей? Что деревяшку
Целуют богомольцы вместо лика
Святителя великого?

2-й поселянин.

(пугливо озираясь, пониженным тоном)

Не знаю...
Так говорят... Темно там... Не увидишь...

6-й поселянин.

[тоже пониженным тоном]

А я слыхал еще.. Да, да не смейтесь!..
Что слезы Богоматери во храме
Не слезы вовсе... Сзади за иконой,
Стоит лампада с маслом и оттуда
По каплям масло точится, стекая
По лику Богоматери в сосуд...
Как думаете, верно то, иль нет?
О! О! Монахи хитры! Хитры!

3-й поселянин.

Что же?
Все может быть! Пойди ка там, узнай!

7-й поселянин.

Негоже говорить вам это, братья!
Ужели все обман кругом? Ужели
Отцы святые, что взыскуя Бога,

От мира отреклись, и посвятили
Всю жизнь свою Тому, кто миром правит,
Ужель они во власти темных сил?
Ужели те, кто дал обет священный
Хранить души покой и чистоту,
Забыть любовь и ненависть, исторгнуть
Из сердца страсти суетные, вечно
О Боге помнить и Ему служит,
Ужель они доступны тем соблазнам,
Что в мире губят нас? О, нет! Не верю!
То ложь! То клевета! Десница Божья
Хранит отцов святых!

2-й поселянин.

Ха—ха! Ха—ха!
Наивная душа! Не с облаков ли
Упал ты к нам? Не на звезде ль высокой
Ты жил доныне? Ха—ха—ха! Послушай,
Любезный друг, не скажешь ли, откуда
Моей соседке, милой Анжелике
Бог сына даровал?

3-й поселянин.

(Со смехом).

Хороший мальчик!
Да только что то очень уж походит
На брата Доменико... Ха—ха—ха!

5-й поселянин.

Или спроси у красной Жозефины,
Что продает иконы, почему
Ея девченку дочкой монастырской
Все величают? Вот простак нашелся!

Все поселяне вместе.

Ну, ну! Чудак! Он с неба к нам свалися!
Он снеба к нам свалился! Ха—ха—ха!

2-й поселянин.

(Внезапно замечает Джордано)

Тс! Тш! О, горе! Нас монах подслушал!
Погибли мы!

3-й поселянин.

(Испуганно).

О, горе нам! Теперь
Отцы святые вытянут на дыбе
Из нас все жилы! Сердце замирает
И стынет кровь, когда себе представлю,
Что ожидает нас... О, лучше б не родиться,
Не видет света белого, чем в лапы
К проклятым инквизиторам попасть!

(Оборачивается ко второму поселянину)

И все то ты! Ты начал эти речи,
Ты подзадорил нас, ты виноват,
Так будь же ты в ответе!

4-й поселянин.

Да, конечно,
Ты начал все, так ты и отвечай!

Все поселяне.

Ты виноват!

2-й поселянин.

Побойтесь Бога, братья!
За что один я буду отвечать?
Я начал разговор,—вы продолжали,

И даже с увлеченьем, как я видел!
Коль есть вина, так виноваты все!

Все поселяне.

Нет, нет! Ты виноват! Так ты и знайся
С отцами инквизиторами!

2-й поселянин.

Братья!
Опомнитесь! Виновны все!

Все поселяне.

Нет, нет!
Ты виноват один!

Джордано.

(Приближаясь).

Не бойтесь, братья!
Не бойтесь ничего! Не враг я ваш, а друг

[Быстро отходит]

2-й поселянин.

(Изумленно[.

Что он сказал?

3-й поселянин.

Что это значит?

Все поселяне.

[В большом недоумении]

Кто он? Чего он хочет? Почему?
Себя он нашим другом называет?

Джордано.

[Про себя].

Я не один! Глухое недовольство,
Как призрак, бродит меж людей. Смущает
Оно умы сомненьем. Зажигает
Сердца протестом пламенным. То иго,
Что Церковь возложила на весь мир,
Народа рамена теснит и давит,
И дух борьбы, дух гордого восстанья
В нем пробуждает. Братья! Люди братья!
Еще вы не прозрели... Не упала
Пока еще тумана пелена,
Что взор ваш помрачает... Но тревожно
Уже дрожит она, и солнца луч порою,
Прорвавшись сквоз клубящуюся мглу,
Слепые ваши очи золотит,
Рождая в них предчувствия рассвета!
Еще вы не прозрели! Ваши души
Еще в огне борьбы не закалились,
Еще вы слабы... Робки. Колебанья
Еще порывы сковывают ваши...
Но дух у вас взыскует сокровенно
Лишь гласа трубного, зовущего на битву,
Лишь гордого вождя, что вас отважно
К победе поведет! Я не один!

(Отходит к другой группе)

1-й Богомолец.

Откуда ты сестра?

Слепая.

Из стран далеких,
Где скалы громоздятся друг на друга,
Вздымаяся к холодным небесам,
Где гулко лес шумит, где воют ветры,

А море неустанно в берег бьется
Волною ледяной... Там родилася я
В рыбачьей хижине и выросла..

2-й Богомолец.

Когда
Свет солнца для тебя погас?

3-й Богомолец.

Скажи
Зачем сюда пришла ты?

Слепая.

От рожденья
Глаза мои закрыты были. Тьма
Меня стеной зловещей окружала
В младенчестве и юности. Всю жизнь
Я в тьме жила... Весь Божий мир широ-
кий,
И море беспокойное, и ветер,
И гулкий лес, и даль небес, и горы,
И травы шелковистые, и камни,
И землю, и огонь, и птиц веселых
Я слышала... Но видеть не могла!
Когда незримый кто то прикасался
К очам моим горячею рукой,
Я знала это—солнце поднялося
И день горит.... Когда же теплота
С очей моих неслышно уходила
И легкая прохлада, освежая,
Мне веяла задумчиво в лицо,
Я знала—это ночь пришла, и звезды
С небесной высоты на землю смотрят,
На море, горы, лес и на меня,
Печальницу, живущую во мраке...
Так годы шли... И с горькою судьбою

Мириться начала моя душа.
Я свыклась с этой тьмой, и населила
Ее красивыми и яркими тенями,
Я среди них жила, на них молилась...
Я полюбила этот мир чудесный,
Мир призраков, душой моей рожденных,
Мои мечты, мои порывы, грезы,
И сладкие томления, и слезы,
И тихую и радостную грусть.
Я счастлива была!.. Но вот однажды
В наш край пришел неведомо откуда
Седой старик. Он обходил селенья,
Рыбачьи хижины, избушки дровосеков
И Бога проповедывал везде;
Великого, неведомого Бога!
Он говорил о благости Его,
О всемогуществе Его и славе;
Он говорил о кротком Сыне Божьем,
Что в мир сошел и за его грехи
Себя обрек на смерть и на страданья,
Он говорил о Матери Святой,
Что родила Спасителя безгрешно
Одна, в хлеву убогом, темной ночью,
Он говорил о дивном воскресеньи
Распятого Страдальца, о великих
Апостолах, из края в край разнесших
То слово вдохновленное, что ныне
Милльоны душ от гибели спасает...
Он говорил, и голос его чудный
Гремел как гром. Он потрясал сердца
И слезы вызывал у всех невольно
И мне сказал старик: „Верь только в Бога
И ты прозреешь! Ты увидишь мир!“
Его слова вспугнули мой покой;

Какие-то неведомые дали
Прекрасные и дивные, как сон,
Открылись предо мной, и словно птица,
Душа моя тревожно встрепенулась,
И пламенно восстала против тьмы,
Меня всегда с рожденья окружавшей...
„Верь и прозреешь!“ Так сказал старик.
Как пламенные письмена горели,
Его слова в душе моей... Покоя
Не знала больше я. . Искала жадно
Я выхода из тьмы... В слезах и муке
Я к Господу взывала, умоляя
Меня коснуться, благостью своею
И чудо сотворить .. И Бог услышал
Мою молитву жаркую .. В наш край
Проникла весть, что там, в стране далекой,
За морем, за лесами и полями
За реками широкими, что тихо
Струятся меж спокойных берегов,
На склоне гор высоких и могучих
Есть монастырь... В нем Дева Пресвятая
Оставила божественный свой образ
И чудеса великие творит.
Согбенных и страдающих Она
В здоровых и счастливых превращает,
Калек убогих заставляет снова
Ходить и двигаться, безумьем пораженным
Спокойствие и разум возвращает,
Лишенным зренья—открывает очи...
Та весть была, как благовест священный,
Для страждущей души моей. „Иди“!
Сказал мне Кто то дивный и могучий,

„Иди!" душа мне тихо повторила
И я пошла...

(Падает на колени и, протягивая руки к небу, продолжает страстно)

О, Дева Пресвятая!
Ты, что во чреве радостно носила
Спасителя, чье сердце слез полно,
Слез милости и кротости, чей образ
В себе так совершенно воплощает
Всю нежность женщины, всю глубину
Ее любви извечной двуединой
К избраннику души своей и к сыну
Избранника души, ты, Матерь Божья,
Внемли моей молитве непостойной!
О, разгони божественной рукою
Тьму, что меня с рожденья окружает!
Дай свет моим очам! Открой мне дали!
Дай мне взглянуть, хоть раз единый в жизни,
На мир прекрасный, блещущий весною!
Дай мне увидеть море, небо, горы,
И шумный лес, и дальние равнины,
И зелень трав, и блеск цветов душистых,
И человека гордое лицо!
Услыши вопль души моей смятенной!
Открой на миг глаза мои! А после...
Пошли мне смерть... Или опять на веки
Низвергни в бездну мрака и страданья!
На все, на все твоя, да будет, воля!

(Слепая в экстазе падает ниц, все кругом сильно взволнованы).

1-й богомолец.

Она прозреет!

4-й богомолец.

Да она прозреет!
Такая вера жаркая не может
Остаться без награды! Матерь Божья
Её помилует.

3-й богомолец.

Святое чудо
Свершится завтра и народ увидит,
Всевышнего, сходящего с небес
В величии и славе лучезарной!

4-й богомолец.
[слепой]

Очнись, сестра! Пусть дух твой встрепенется
И радостно взыграет! Верь, услышит
Твою молитву Дева Пресвятая!
Исчезнет мрак, и солнца дивный свет
В твоих очах победно заиграет!

Джордано

(В сильном волнении и про себя).

О, смею-ль я холодный нож познанья
В трепещущее сердце этой веры
Рукой безжалостной вонзить?
О, смею ль я милльоны душ скорбящих
Лишить надежды сладостной в печали
И утешенья в горе и нужде?
О, смею ль я в пучине зыбкой жизни
У них опору вырвать из под ног
И ввергнуть их в отчаянье? Кто скажет,
В чем истинное счастье человека:

В познаньи ли бесстрашном и глубоком
Иль в слепоте наивной и святой?
(Задумывается и потом продолжает с возрастающей экспрессией)
Нет, нет! Прочь колебанья! Прочь сомненья!
Болотные огни людей прельщают
И за собой в трясину их влекут.
Я не могу молчать! Я должен, должен
Их от грозящей гибели спасти!
Я должен с их очей сорвать завесу,
Им истину бесстрашно показать
И разбудить в них Разум дерзновенный!
Пусть будет боль, то будет боль, что руки
Испытывают, цепи разрывая!
Пусть будут муки тяжкие,—то будут
Святые муки нового рожденья!
Придут за ними радостные дни,
Дни истины, свободы, просветленья!

Сцена 3-я

Покои настоятеля. Настоятель, Джордано, Антонио, Доменико и др. монахи.

Настоятель.

Великий час настал. Заутра, братья,
Торжественно и радостно мы будем
Святую годовщину поминать.
Велик Господь, и славна Церковь наша!
На камне, что не рушится вовеки,
Она воздвигла храм нерукотворный,
Его глава возносится высоко
К престолу Бога в небесах лазурных,
А дивный свод, сверкающий огнями,
Весь дольний мир собою осеняет!
Сильна, могуча церковь: короли,
Князья, вельможи знатные, дворяне,
Торговый люд, солдаты, поселяне
Свободные, рабы—все, все покорно
Пред Церковью свою главу склоняют.
От Церкви лишь себе спасенья ждут;
И Церковь—царство Бога на земле,
Подобно Вседержателю вселенной
В день страшного суда, сидит на троне,
В сиянии могущества и славы,
И суд творит, смиренных награждая,
Разя мечем погрязших во грехе.
Так было и так будет, по писанью,
Отныне и вовек... Но враг Господень
Не дремлет, братья! В злобе окаянной
Он тщится Царство Божие разрушить
И Церковь жалом змея поразить,
Он сеет смуту в сердце легковерных
И прелестью, лукавством и гордыней

Он искушает души малых сих
И козни Люцифера остаются
Не вовсе безуспешными. В народе
Рождается глухое недовольство,
Безбожие и дерзость возрастают,
И ересь нечестивая все чаще
Свою главу с шипеньем подымает,
То знаменья опасности великой!..
Как трубный глас, зовут они на бой,
На новый страшный бой Христово войско!
И я созвал вас, братья, чтоб поведать,
Что торжество священное заутра
Величьем, блеском, пышностью, богатством
Должно все бывшее доныне превзойти,
Как снежная вершина превосходит
Убогий холм! Пусть это торжество
Воистину достойно будет Церкви!
Пусть поразит оно, подавит, уничтожит
Воображенье мира! Пусть народ,
Как очарованный, безумным взором
За таинством творящимся следит
И познает душою потрясенной,
Как Церкви мощь безмерна, и как тщетны
Безбожные попытки Люцифера
Ее покой преступно возмутить!

Антонио.

В огонь! На смерть еретиков проклятых!
Больные члены Церкви Христианской
Отсечены, да будут, беспощадно,
Пока все тело гнусною отравой
Они еще не заразили! Кровь,
Кровь грешников заблудших, да, прольется
Во славу Господа и во спасенье

Их душ погибших! Верую, о, Боже!
Ты строг, но справедлив! Не милосердье
Но правое возмездье по заслугам,
Верховный Твой закон! Сынам покорным
Сулишь Ты сени райские, но грозно
Ты молнией и громом поражаешь
Отдавшихся соблазнам Сатаны!
Отец! Отец! Сильна моя молитва
И вера не иссякнет до конца!
Дозволь же мне, воителю Христову,
Поднять Господень меч на брань святую
И в стонах мук, в крови, в огне и буре
Очистить Церковъ Божию от скверны,
Ее на век грозящей погубить!
Дозволь, дозволь, отец!

Настоятель.

О, брат Антонио!
Твое усердье и святая ревность
Ко благу Церкви-Матери достойны
Награды высшей. Сердцу моему,
Скорбящему о ересях и смуте,
Что раздирают мир, они отрадны,
Как чистый ключ в песках пустыни знойной.
Да, почиет Господня благодать,
Над головой твоей! Да, служишь долго
Святому делу Церкви Христианской!..
Но, сын мой не поставлены-ль от века
Мы душ людских ловцами? Не на вере-ль
Горячей, жаркой вере малых сих,
Как на скале воздвигнут горделиво
Нетленный Церкви храм? О, брат Антонио!
Что пользы, если храм мы сохраним,
Но основание его разрушим?

Что пользы, если тело человеков
Удержим мы, но душу потеряем?
Кого мы пастырем разумным назовем,
Того ли, кто в усердии слепом
Разит, как дикий вепрь, пришедший в
ярость,
Всех без разбору правых и виновных,-
Рождая вкруг себя печаль и ропот,-
Или того, кто мудро сочетая
Любовь и строгость, больше всех забот
О том печется, чтоб живые души
Для Церкви сохранить и камень веры
В сердцах Христова стада укрепить?
Пусть острый меч сечет гнилые ветви,
Но древо крепкое, здоровое для жизни
Нуждается в уходе терпеливом,
В заботе и любви! Итак, да будет,
Заутра торжество великое достойно
Великой цели! Все ль готово, братья?

Доменико.

Готово все, отец. Из кладовых
Отпущены припасы в изобильи
Навесы для пришедших богомольцев
Поставлены, воздвигнуты амвоны
И розданы всей братье монастырской
Одежды новые. Свечей, крестов, и четок,
И образков, и ладанок, и колец
Имеется без меры и числа;
Хватило бы запасов их с избытком
На весь христианский мир!

Настоятель.

Так, хорошо!
Еще одна последняя забота!

Издревле повелося, что с амвона
В день торжества великаго к народу,
Пришедшему со всех концев земли,
Достойнейший из братьев обращался
С словами поученья и привета.
Кого же, ныне облечем, мы, братья,
Великой этой честью?

(Обводит взором всех присутствующих; среди них молчаливое замешательство)

Вы молчите?

(Еще раз обводит всех глазами)

Ужели ум и сердце не подскажут
Вам имени достойного?

(Молчание)

Так пусть же
Достойным этим будет брат Джордано!

Джордано.

(в сильном волненьи)

Как? Я, отец? Здесь есть так много братьев
И старших и достойнейших меня!

Настоятель.

Ты молод, но учен и дух горячий
В тебе живет, ты будешь говорить!
Ты должен потрясти могучим словом
Заутра весь народ!

Джордано.

(после некоторого колебания)

Да будет так!

(загадочн)

Свершилось! Нет возврата! В храме новом
Мне новые восторги суждены!
Клянусь, отец, моим могучим словом
Заутра будут все потрясены!

Сцена 4-я.

Лунный вечер. Горная площадка в окрестностях монастыря. В отдаление вырисовывается снежная вершина, посеребренная луной. Джордано и Франческа.

Франческа.

Мне страшно дорогой!

Джордано:

Чего боишься,
О чем печалишься, любимая моя?
Взгляни,—кругом тиха ночная мгла,
И тихо блещут звезды золотые
В глуби небес, и горы тихо спят,
Одевшись сумрака широким покрывалом,
Замолкли птицы, ветер не колышет
Листвы дерев. И воздуха теченье,
И бег неслышный времени на миг
Остановились. Спящая природа
Полна покоя, мира, умиленья,
И жуткой и прекрасной тишины..
И ты со мной, любимая! Так близко,
Что робкое дыханье уст твоих
Мне волосы колеблет и я слышу,
Как тихо грудь твоя волнуется и сердце
В ней бьется, бьется сладко и тревожно...
Исчезло все! Одни с тобою мы в мире!
Одни, одни в безграничности вселенной!
Для нас одних горят на небе звезды,
Для нас одних луна в ночи сияет,
Для нас одних в пространствах бесконечных
Сверкающие сферы мировые
Песнь дивную гармонии поют!
Чего ж боишься ты? О чем тоскуешь?

Иль нет во мне любви? Или погасла
Любсвь в твоей груди?

Ф р а н ч е с к о.

(прижимаясь к Джордано]

Нет, нет!
Люблю тебя, мой милый, мой желанный,
Мой сокол горделивый! Всею силой
Души моей смятенной, всею страстью
Взволнованного сердца я люблю!
Люблю тебя, Джордано, И... страшуся
Своей любви к тебе...

Д ж о р д а н о.

Но почему?

Ф р а н ч е с к а.

В ней тяжкий грех, Джордано... Смертный
грех!
В ней искушенье дьявола... Олежды...
О, эти черные одежды на тебе!
Ведь ты .. монах. . Ты... Богу посвящен-
ный...
Жених Христовой Церкви.. И тебя...
Тебя любит... Любить!.. О, Боже! Боже!..

(С внезапным порывом)

О, как страдаю я! Какая боль
Мне сердце разрывает!.. Где спасенье? ,
Где разрешенье мук? Где выход, выход?
Я проклинаю мать мою за то,
Что жизнь она дала мне! Проклинаю
Тот день и час, когда переступила
Я храма монастырского ступени
И в сумерках хоругвей и икон
Твой гордый лик впервые увидала!

За что, о, Господи, покинул ты меня?
За что? За что? Напрасно я молюся,
Напрасно ночи провожу в мученьях,
В слезах и бичеваниях, напрасно
На жестком ложе сплю и власяницей
Смиряю плоть свою! О, видит небо
Я не могу, не в силах подавить
Влеченье плоти властною рукою
И грешную любов из сердца вырвать!
Я так слаба... Люблю тебя, Джордано!
Люблю тебя! И мучаюсь любовью
И знаю, что гублю любовью душу,
Что Сатану любовью веселю...
И все таки люблю тебя, люблю!

(В отчаянии закрывает лицо руками).

Джордано.

(про себя)

О, бедная душа, бродящая в потемках,
Какую боль родит в груди моей
Твой каждый вопль!.. Но близок час сча-
стливый,
Когда спадет с очей твоих завеса
И солнца восходящего лучи
В них засверкают ярко и победно!

(Громко)

Любимая! Не Бог-ли человека
Таким создал, каков он есть?-Не Бог-ли
Вложил в него любовное влеченье?
Не Бог ли завещал с начала века
„Плодитеся и размножайтесь люди?“
Какой же грех в любви? Она от Бога!
В своей любви творишь ты только волю
Великого Творца!

Франческо.

О, сжалься, сжалься!
Не искушай коварными речами
Мой бедный дух! Не соблазняй меня
Премудростью лукаво-сатанинской!
Не Бог, а враг Господен—Люцифер
Сейчас твоими говорит устами!
Да! Да! То Люцифер! О мой Джордано!
Сегодня ночью было мне виденье
Ужасное и грозное, такое,
Что и теперь еще дрожу от страха,
Когда о нем подумаю... Мне снилось,
Что я лежу, как мертвая недвижно,
В глубокой пропасти. Кругом меня утесы,
Огромные и дикие, и небо-
Угрюмое и черное—без звезд,
Без месяца, над пропастью нависло...
Мне чудится, что я на дне могилы...
В смертельном ужасе хочу я встать,
Хочу подняться и бежать отсюда,
Хочу карабкаться, впиваясь в камни
Зубами и когтями, по отвесу
Туда, на волю, выше, выше к небу...
Напрасно! я прикована к могиле,
Не в силах я рукою шевельнуть...
Вдруг странное и грозно сиянье,
Прорезав тьму, блеснулов высоте.
Я подняла глаза. На выступе утеса,
Склонившись вниз, в одеждах белоснеж-
ных,
В сверкающем венце стоял Архангел,
Он на меня смотрел. Глубокой скорби тень
На образе божественном лежала,
В очах печаль сквозила... Весь он был,

Как яркая звезда, что в небе блещет
Подернутая дымкою вечерней...
И голосом—и дивным и ужасным,—
Таким, что содрогнулися кругом
И горы, и ущелья, и как лист,
Моя душа до дна затрепетала,
Он горестно воскликнул: „Ты погибла!“
Блеснул огонь, удар могучий грома
Потряс ночную тьму. Разверзлось небо.
Смертельный холод в сердце мне проник
И в ужасе проснулась я .. Джордано!
О, мой Джордано! То был глас Господен,
Он осудил меня! О, Боже, Боже!

(Франческа сильно взволнована, из глаз ее медленно катятся крупные слезы)

Джордано.

(после некоторого молчания).

Дитя! Дитя! Уйми тоску и слезы!
Души своей печалью не терзай,
Никто твоих молений не услышит,
Никто твоих страданий не оценит,
Никто тебе на помощь не придет!
Никто, никто! В младенческие годы
И я, как ты, со страхом и надеждой
Так часто к небу взор свой обращал!..
Душою жаркой трепетно я верил,
Что там за гранью тверди голубой,
В безгранности вселенной, средь миров
Бесчисленных, сверкающих, как солнца,
В движеньи вечной жизни, в вихре света
Сидит Господь. Престол Его сияет,
Как чудный храм. Сонм ангелов святых
Стоит вокруг. Божественные очи

Обращены на землю. Неусыпно
Они следят деяния людей,
К спасенью направляя судьбы мира.
И в Книгу Живота, как верный счетчик,
Господь заносит все, и каждый вздох,
И каждое желанье, и сомненье,
И мысль, и боль, и радость, и страданье.
Да, сбудется реченное от Бога
И каждому воздастся по заслугам
В день Страшного Суда!..
Где та надежда сладкая? Исчезла,
Растаяла, как звуки тихой песни,
Которою баюкали нас в детстве!
Где вера та горячая? Как воск,
Она сгорела в пламени сомнений!
И над души померкшей глубиной,
Как солнце средь ночи, взошло победно
Светило ясного и гордого Познанья.
Услышь из уст моих, о, дорогая,
Глас истины гремящий: Небо пусто,—
Нет Бога в нем! Нет ангелов прекрасных!
И равнодушно вниз оно глядит
На землю, на людей, на их страданья,
Как желтый череп мертвыми глазами!

Франческа.

Остановись! Опомнись! Отгони
Бесовские видения, Джордано!
Что говоришь? Ужели Бога нет?
Ужели твердь пуста? Ужели вера,
И Церковь, и Евангелье святое
Все, все один обман и заблужденье?
Нет! Нет! Не может быть! То злая ложь!
То навожденье силы сатанинской!
То враг Господен прелестью гордыни

Тебя смутил! Тебе он нашептал
Безумные слова!

Д ж о р д а н о.

О, дорогая!
То был не Сатана, кто дерзновенно
Завесу мрака с глаз моих сорвал,
То *Разум* был,—свободный, гордый
Разум!
Да ты права, он враг Господен,
Но он же человека лучший друг!
Он скован был! В глубоких подземельях,
Без воздуха, без пищи, без движенья,
В ночи глухой, средь мертвого молчанья
Его держала Церковь. Но теперь
Он цепи разорвал, разбил затворы
И поднялся по скользким ступеням
Из вечной тьмы на свет дневной, чтоб
солнце
Приветствовать торжественною песнью,
Чтобы мечем отважным сокрушить
Обман и лицемерие, на них же
Воздвигла Церковь здание свое!
Ему, ему служить отныне буду,
За ним пойду!

Ф р а н ч е с к а.

Куда пойдешь, Джордано?

Д о ж р д а н.

(оборачиваясь в сторону ярко освещенной вершины)

Туда, туда, к вершине венценосной,
Где спрятаны ключи от Счастья жизни,
Где скрыта тайна гордого познанья,
Где царствует свобода и любовь!
Туда пойду! Вы, горы, небо, воздух,

И ночи мрак, и звезды, и луна,
Внимайте все! От Бога, пред которым
Так трепетно склонялся я всю жизнь,
От церкви лицемерной и лукавой,
От веры простодушной и наивной,
От робкого смиренья, от оков,
Гнетущих дух свободный, от чудес,
От таинств, от молитв, от песнопений,
От прошлых мук и прошлых заблуждений
Отныне и на веки отрекаюсь!
Я верный рыцарь твой, Свободный Разум!
Горит на мне твоя печать! Твоя!

(Оборачивается к Франческе)

А ты, Франческа, ты, моя царица,
Ты, чистая звезда моей души
Люби меня. Без страха и сомненья!
Люби любовью радостной и вольной,
Как солнца луч, как аромат цветка!
Взгляни,—кругом, весь мир любовью полон,
Его закон—любовь. Свершает грех
Не тот, чье сердце от любви трепещет,
А тот, кто изуверством помраченный
Убить любовь клянется!.. О, Франческа!
Люби меня! На горные высоты
Я поведу тебя! Там ближе к небу,
Там ярче солнце, легче дышит грудь
Там веет вольный ветер по вершинам!
Люби меня!

Франческа.

(Несколько мгновений стоит неподвижно, видно, что в ней происходит тяжелая внутренняя борьба, но затем внезапно, со страстным порывом, она бросается в об'ятия Джордано, восклицая)

Джордано! Мой Джордано!

Сцена 5-я.

Внутренность готического храма. Тихо мерцают огни свечей. Полутьма. Только в одном месте, у входа на паперть, сквозь полуоткрытую дверь врывается яркая полоса дневного света, еще резче подчеркивая господствующие в храме таинственные сумерки. Громадная толпа молящихся переполняет храм. Впереди вельможи в шитых золотом и серебром костюмах, женщины в роскошных платьях, дальше рыцари, дворяне, за ними пестрая масса простого народа. Духовенство в торжественных облачениях. Несколько сбоку, около приготовленного амвона с склоненной головой стоит Франческа. В храме царит повышенное напряженное настроение.

Хор певчих.

(Под звуки органа поет)

Бог Вседержатель,
Мира Создатель,
Вечный и Мудрый,
Слава Тебе!
Бог Милосердный,
Жизни Даятель,
Слабых Защита,
Слава Тебе!
Бог справедливый,
Добрых спасенье,
Грешным погибель,
Слава Тебе!

(Пенье постепенно стихает, торжественные звуки органа медленно замирают под высокими сводами храма. Наступает тишина такая полная и глубокая, что ее, кажется, можно слышать. Среди этой тишины и всеобщего напряжения из алтаря выходит Джордано. Шаги его гулко раздаются по каменному полу.)

Настоятель.

Как бледен он! Как взор его горит!
Он полон неземного вдохновенья!

Священник.

Лицо его, как мученика лик,
Идущего на крестные страданья!

1-й монах.

О, дивный миг! О, сладость умиленья!
Душа горит восторгом!

2-й монах.

Тише, тише
Он говорит!

Джордано.

(Говорит внятно и громко с глубоким волнением в голосе)

Возлюбленные братья!
Великое великому. Сегодня
Великий день торжественно мы славим,
К великому сердца обращены,
Да будет же и слово, что с амвона
Как трубный глас над миром разнесется,
Посвящено великому! Тому,
Кого весь мир зовет благоговейно
Источником добра, Творцом вселенной,
Владыкой всемогущим и извечным,
Таинственным началом всех начал!

(На мгновенье останавливается)

Хор.

(Под звуки органа поет)

Боже пресветлый,
Боже могучий,
Боже великий,
Слава Тебе!

Голоса в толпе.

Боже великий,
Слава Тебе!

Джордано.

(Продолжает)

Кто Он, великий Бог? Бог—справедливость
Писанье говорит. Но, если это так,
Как мог Он покарать за грех Адама,
За грех *одного* весь род людской?
Как мог проклясть в безумном ослепленьи,
Как мог обречь в неумолимом мщеньи
На муки, на страдания, на смерть
Мильоны миллионов неповинных,
Несчастных чад несчастного отца?

(В толпе молящихся смятение)

Настоятель.

(в страшном волнении)

Что говорит он? Дерзкое [illegible]
В нем помрачило разум!

Священник.

Посмотрите
[illegible] болен! Лихорадка!
Его тресет, как лист!

1-й монах.

Он помешался!
В него вселился бес!

2-й монах.

Он еретик!
[illegible]

1-й голос из толпы.

Он [illegible]!

2-й голос из толпы.

О, Боже! Боже! Где ты?
За что ты нас отринул от себя?

Женский. голос.

Будь проклят, нечестивый!

Гул голосов.

Горе, горе!
Спаси, спаси! Помилуй нас, Господь!

Д ж о р д а н о.

(Покрывая своим голосом господствующий, шум, продолжает)

Писанье говорит: Он Бог-любовь.
Он всемогущий! Но если это правда,
Как может Он спокойно с высоты
На мир взирать, где злоба торжествует,
Где слышен плач, где в муках и страданьях
Несчастный род Адама погибает?
Иль Он не *хочет* мир от зла спасти,
Тогда Он не любовь. Иль Он не *может*
Зло победить и благо сотворить,
Тогда напрасно Богом *всемогущим*
Его мы называем! Есть предел
И для Его могущества и власти!

(Смятение в храме усиливается

Н а с т о я т е л ь.

(бросаясь к Джордано)

Безумец! Стой! Ты дьявол искуситель!
Прочь, прочь с святого места! Заклинаю
Тебя крестом и именем Господним,
Нетленными мощами чудотворцев,
Апостолов безгрешною кончиной,
Исчезни! Сгинь! Рассыпься! Пропади!

Монах.

Долой! В огонь его! Да, сгинет дьявол!
Да, расточатся Господа враги!

Священник.

Восстань Христово войско! Час настал!
Враги теснят Господние твердыни!

Вельможа.

Он бунтовщик, народ он возмущает
Схватить его, пытать!

Рыцарь.

В колодки, в цепи
И голову долой!

1-й богомолец.

(в ужасе)

Смотрите, братья!
Его глаза сверкают, точно угли,
На лбу рога, а изо рта огонь!
Он дьявол! Дьявол!

2-й богомолец.

Се грядет Антихрист!
Последние настали времена!

Женский голос.

Рога! Рога!

Голос ребенка.

Ой страшно! Я боюсь!

Голос из толпы.

Скорей его берите и о камень,
О камень головой!

Другой голос.

Нет! Так нельзя!
Он обернется тенью и исчезнет!
Сначала с заклинаньем обведите

Вокруг амвона тесную черту
И уж потом с молитвою хватайте!
Тогда он не уйдет!

Еще голос.

Скорей, скорее!
Чего вы ждете?

(Толпа с угрожающими криками и жестами приближается к Джордано)

Антонио.

(Внезапно бросаясь вперед, падает на колени и, воздевая руки к небу, страстно восклицает).

Боже всемогущий!
Ты дивный и неведомый, чьи ризы
Сверкают в небе звездными огнями.
Ты светлый и великий, в чьей руке
Лежат и судьбы мира и дыханье
Ничтожнейшей былинки полевой,
Ты грозный и таинственный, чей гнев
Вселенную, как буря, потрясает,
Ты, славный и могучий, о, внемли!
Безумец грешный буйными словами
И речью богохульственно мятежной
На имя Твое дерзостно восстал!
Не дай, о, Боже, злому совершиться!
Не дай торжествовать владыке зла!
Не дай смутиться душам малых сих!
Яви себя очам Христова стада!
Дай знаменье величья Твоего!
Пусть знают все: Ты был, Ты есть, Ты будешь,
Ты неусыпным оком зришь на мир!
Смотри! Народ смущен, он жаждет чуда.
Он хочет видеть Твой бессмертный лик!

Приди! Приди! Ударь с высот надзвездных
Грозой и бурей, молнией и громом!
Сверши свой суд и дерзкого безумца
Здесь, на глазах народа, порази!
Услышь мою мольбу, Великий Боже,
Услышь! Услышь! И чудо сотвори!
Твой Сын сказал: — Для веры все возможно.
Я верую, зову тебя, о, Боже!
Я верую! Я верую! Явися!

(Антонио в экстазе замирает с поднятыми к небу руками. В храме царит мертвое молчание. Все потрясены. Взоры толпы мистически устремлены вверх. Она напряженно ждет явление Бога Живого. Вдруг высокие своды храма наполняются ярким сияньем. Становится светло, как днем. И затем откуда то издали, с высоты, точно из бесконечных пространств вселенной слышится громкий, подобный раскатам грома голос)

Голос свыше.

Смирись! Смирись! И ниц пади, о,
смертный!

Настоятель

Свершилось чудо!

Антонио.

Верую, о, Боже!

(Толпа в беспредельном ужасе, с тяжкими вздохами и рыданьями падает на землю.)

Толпа.

Боже великий!
Помилуй нас грешных,
Дивный и грозный нас не губи!

Франческа.

(Хватает Джордано за руку)

Смирись, Джордано! Не губи себя!
Смирись и ниц пади пред Всемогущим!

Джордано.

(вырывая руку с сверкающими глазами, громовым голосом)

Нет, не смирюсь! Как раб трусливый,
Я не склонюсь пред именем Твоим!
Я не боюсь Тебя! Греми громами,
Сверкай огнями с высоты небес!
Пугай детей, коль это забавляет
Твой нищий дух! Моим владыкой,
Моим царем не будешь никогда!
Кто ты, Великий Бог, пред кем трепещет
И клонит выю робкая толпа?
Кто ты, кого в наивном ослепленьи
Она зовет властителем Вселенной?
Ты тень! Ты призрак, порожденный
Игрой фантазии моей!
В начале века пусто было небо,
Но человек пришел и населил
Лазурный свод бесплотными тенями!
Как мальчик неразумный, что из глины
Себе фигуры лепит для забавы,
Он создал и тебя, Великий Бог,
По своему подобию он создал!
Возвел тебя на трон, тебе вручил
Державу над Вселенной, окружил
Престол твой сонмом ангелов чудесных
И в страхе суеверном преклонился
Пред собственным твореньем! Стал тебе
Моленья возносить, и храмы строить,

И фимиам на алтарях курить,
И жертвы приносить, и о защите
Смиренно умолять, склонив колени...
Но мальчик вырос и прозрел! Довольно!
Довольно алтарей и песнопений!
Довольно жертв, молитв и поклонений!
Прочь, ложный Бог! Твой смертный час
настал!
Проснулся спавший Разум человека,
Восстал могучий дух! Он царь природы,
Он —дивное начало всех начал!
Преград не знает он! На крыльях мысли
В единый миг он может облететь
Вселенную от края и до края.
Он может все об'ять, во все проникнуть
И все познать: пространства бесконечность,
Предвечное течение светил
Бег времени неслышно-величавый,
И смерти мрак, и жизни зарожденье,
И вечный бытия круговорот!
Прочь, ложный Бог! Рукою дерзновенной
Я разрушаю твой алтарь! Огню
Я предаю твой храм тысячелетний!
Я шлю твоих служителей на казнь!
Исчезни! Сгинь! Как на восходе солнца
Трусливо мрак бежит, беги и ты!
Моей упрямой воле не противься!
Я породил тебя, и я тебя убью!
Прочь, ложный Бог! Окрепшею рукою
Я цепи рву! Свободен разум мой!
Свободны люди! Души их, так долго
Блуждавшие во мраке подземелий,
Я вывожу на свет! Я озаряю
Их темные, невидящие очи

Горячим блеском дня!
Прочь, ложный Бог, Бог скорби, отреченья
Унынья, слез, загробных упований!
Я радостен и счастлив быть хочу
Здесь на земле! К вершине, озаренной
Сияньем вечным солнца, я иду!
Туда зову людей я за собою!
Чтоб дать им радость, счастье и познанье
Чтоб жизни красоту им подарить!
Туда! Туда! Не заступай дороги!
Великому свершиться не мешай!
Уйди! Склонись пред Разумом свободным!
Уйди! Уйди!

(Толпа охвачена оцепенением ужаса. При последних словах Джордано, сиянье, наполнявшее храм, начинает быстро меркнуть, и под высокими каменными сводами вновь воцаряется прежняя полутьма).

Франческа

(бросаясь к Джордано).

Ты победил, Джордано!

Джордано.

То Разум победил, свободный Разум!

(В толпе сильное волнение. Все вскакивают с колен и восторженно протягивают руки к Джордано)

Рыцарь.

Клянусь, он прав! Нет Бога! Жалкий призрак
Так долго нас пугал! Прозрели мы!

Поселянин.

Не говорил ли я, что лгут монахи?
Оно и вышло так! Долой попов!
Да, здравствует Джордано, наш спаситель!

1-й богомолец.

(в отчаянии)

Ужели Бога нет и пусто небо?
Ужели все, во что я верил свято,
Обман и ложь?

2-й богомолец.

Какие могут быть
Сомненья в том? Иль не видал ты сам?
Иль не слыхал, что говорил Джордано?
Он доказал, он победил Его!

Многочисленные голоса:

Он победил! Да здравствует Джордано!

Старуха.

Смешалось все!.. Куда идти мне грешной?
Кому молиться? Боже, где ты? Где ты?

Слепая.

О, горе мне! Теперь уж навсегда
Останусь я во тьме!

Джорджано:

(горячо)

Сестра утешься!
О, лишь теперь, когда завеса спала,
Воистину прозреешь и увидишь
И солнца блеск и красоту земли!

(обращаясь к толпе)

Друзья мои! Великое свершилось!
Рассеялся обман тысячелетний
И пал могучий Бог! Свободны вы!
За мной, друзья! Откройте шире очи!
Оденьте грудь броней! Воспламените
Великим вдохновением сердца!
Сожгите прошлое! И радостно и смело
Идите Разуму свободному во след!

За мной друзья! Туда, туда к вершине!
Там ожидает нас великая награда!
Там суждены нам счастье и познанье,
Там вечное блаженство суждено!
Клянитесь все, в ком дух кипит горячий
В ком воля есть и гордое дерзанье,
Кому удел раба стал ненавистен,
Клянитесь все, далекий путь к вершине
Бестрепетно и смело совершить!
Клянитесь все!

Гул голосов.

Клянемся! Все клянемся!
Веди нас! За тобою мы пойдем!

Джордано.

(бросаясь к выходу из храма, громовым голосом)

Да будет так! За мной друзья! К вершине!
Вперед! Вперед!

(Двери храма широко распахиваются, волны яркого солнечного света врываются под высокие своды, озаряя темные лики икон. Кое где в углах дрожат еще старые тени. Вся толпа постепенно выливается из храма, с Джордано во главе на сверкающий блеск дня. Храм быстро пустеет. В темном углу у входа в алтарь остаются настоятель и несколько монахов, в том числе Антонио. Около амвона уныло бродят две древние старухи. Молчание)

Голос Франчески.

(издали)

К вершине! К счастью! К солнцу!
Вперед!

Настоятель.

(подавленно)

Они ушли!..

Антонио.

(в отчаянии)

О Боже! Боже!

Ты обманул меня!

Конец второго акта.

Акт третий.

Действие происходит на золотых рудниках, расположенных высоко по склону снежной вершины. Между вторым и третьим актом проходит ряд столетий.

Действующие лица третьего акта:

Аллан.

Мина.

Владелец рудника.

Рудокопы.

Солдаты.

Офицер.

Слуга.

Толпа.

Голоса из толпы.

Сцена 1-я

Контора рудника. Кабинет владельца. В окне вид на снежная вершина. В кабинет входит владелец рудника.

Владелец рудника.

(в раздумьи ходя из угла в угол)

Нет! Нет! Ошибки тут не может быть!
На руднике с недавних пор, я вижу,
Недобрый дух какой то поселился.
Как будто бы ничто не изменилось,
Как будто все по сторому... Как раньше,
Как годы и десятки лет назад,
В глубоких подземельях раздается
Немолчный стук орудий рудокопа,
И крутятся колеса день и ночь
Над черной пастью шахты-исполина,
И бегает корзина вниз и вверх,
Все новыя сокровища из бездны
Выбрасывая в шумный мир, а печи
Из каменного чрева изрыгают
Клокочущего пламени волну...
Курятся трубы, к небу посылая
Медлительного дыма облака,
Ревут гудки и молоты грохочут,
С тяжелым вздохом ухают лебедки...
И люди суетятся... Точно гномы,
Они тревожно бегают, стараясь
Руке своей и воле подчинить
И власть огня, и мерное движенье
Стальных машин.. Огромный муравейник
Работает согласно и усердно,
Моей державной воле повинуясь;
Работает от утра до утра.
Все то же здесь как будто, что и раньше,

И вместе с тем не то... Все те же люди,
Что прежде мне служили, и не те...
Я чувствую, как что то изменилось,
Но где и что? Не знаю.. Точно ветер
Над рудником пронесся ядовитый
И воздух отравил и стали вянуть
В саду у нас цветы... Еще недавно
Рабочие везде меня встречали
Покорной и приветливой улыбкой.
От ласкового слова их глаза
Восторгом загорались и смиренно
Они мне приносили благодарность
За милость каждую.. По вечерам,
Окончив труд дневной, все наслаждались
Заслуженным покоем. Старики
Читали библию, отцы семейств, собравшись
В кружок, вели разумную беседу
О доме, о работах, о наградах,
А молодежь плясала на лужайке
И с песнями водила хороводы..
И счастливы все были.. А теперь...
Когда по руднику я прохожу,
Я вижу лишь опущенные очи,
Ловлю косые взгляды, за спиной
Я слышу дерзкий смех, угрюмый шопот...
По вечерам поселок, как могила,
Весь погружен в молчание и тьму!
Ни песен там, ни плясок, ни веселья,
Как будто смерть над ним крылом взмахнула
И жизнь угасла в глубине домов...
Что это значит? Что? Ищу разгадки
И не могу найти!..

(Присаживается к столу и задумывается. За окном внезапно раздается тяжелый топот

толпы и вслед за тем слышится громкое пение)

Толпа рабочих.

(Поет за стеной)

К далекому солнцу! В открытое море!
Пусть пенятся волны кругом!
Мы песню свободы споем на просторе,
Работников песню споем!
Мы подняли знамя и выплыли смело
Из мрака нужды и обид!
Туда, где над бездной заря заалела,
Наш путь бесприютный лежит!

Владелец рудника.

(вставая и подходя к окну)

Они идут... Идут домой с работы,
Как каждый день ходили до сих пор...
И все поют... И взоры их сверкают
И лица полны гордости, такими
Я не видал еще их никогда!

Толпа рабочих.

(Продолжает петь)

Вот парус надулся, и берег проклятый
В синеющей дымке исчез,
Теперь перед нами лишь бури раскаты,
Да волны, да тучи небес!
К далекому солнцу клянитесь, о, братья
Наш путь до конца совершить!
Клянитесь страданья, борьбу и проклятья,
И голод, и холод сносить!
Клянитесь бороться с грозой непогоды!
С туманом в полуночный час!
Клянитесь, о, братья! Мы—дети свободы!
Мы—воины страждущих масс!

Чу! Гром прокатился! Запенилось море...
Ускорили тучи полет...
Завыл ураган в необ'ятном просторе...
То буря, то буря идет!
Смыкайтесь же, братья! Во мгле непогодной
Смелей ударяйте веслом!
Мы подняли знамя, и с песней свободной
К далекому солнцу плывем!

(Топот шагов и звуки песен постепенно стихают и, наконец, совершенно замирают вдали).

Владелец рудника.

(в волнении)

Они поют!.. О солнце, о свободе,
О сладости борьбы.. Что ж пойте! Пойте
И, если вам так хочется борьбы,
Я дам ее! Я к ней готов всегда!
Еще хозяин я в моих владеньях!
Еще покорны мне и войско и тюрьма!
И вызов ваш преступный я сумею
Безумцев жаркой кровью охладить!

(Несколько успокаивается и снова начинает ходить из угла в угол)

Но все-таки... Чего они хотят?
Чем смущены? Чем недовольны?
Да я силен! Я не боюсь восстанья!
Я покарать могу бунтовщиков
И властною рукою их заставить
Себе служить!.. Но лучше... Но мудрее...
Оставить меч в ножнах,—опасен он...
Иных путей мне надо поискать
Чтоб гидре недовольства в колыбели

Отсечь главу и с рудника изгнать
Мятежный дух!

(Задумывается, потом быстро подходит к столу и нажимает кнопку электрического звонка)

Слуга.

(входя)

Что вам угодно будет
Мне приказать?

Владелец рудника.

Немедля пригласите
Ко мне сюда Аллана!

Слуга.

(изумленно)

Как? Аллана?
Иль я ослышался? Иль ваша милость...

Владелец рудника.

(нетерпеливо)

Да, да его! Он нужен мне! Идите
К Аллану и скажите, что хочу
Его по делу важному я видеть,
Пусть он ко мне немедленно придет!

(Слуга уходит. Погруженный в задумчивость владелец рудника несколько минут молча ходит по комнате)

Аллан.

(Входит)

Меня хотели видеть вы?

Владелец рудника.

Да, да!
Пожалуйста, садитесь! Не угодно ль
Вам закурить? Прошу вас, не стесняйтесь!

Дым папиросы часто возбуждает
Игру ума и вместе облегчает
Тяжелый разговор...

(после некоторого молчания)

— Я пригласил вас,
Чтоб истину узнать. На руднике
С недавних пор — я вижу — нарастает
Глухое недовольство. Раздаются
Все громче дерзкий ропот и угрозы.
Слабеют дисциплина и усердье,
И буйный дух восстанья и протеста
Свою главу все выше поднимает!
Что это значит все? Кто возмутил
Спокойствие и мир среди рабочих?
Кто бросил между ними семена
Раздора и вражды? Чем недовольны,
Чего хотят рабочие? Скажите
Скажите все! На мой прямой вопрос
Прямой ответ мне дайте!

А л л а н.

Хорошо!
Вам хочется узнать, чем недовольны
Рабочие? Есть тысячи причин
У них для недовольства и протеста!
Взгляните — их горячими слезами
Отравлена холодная земля,
Прислушайтесь — их стонами глухими
Окрестный воздух полон!.. Недовольны
Они своей безрадостной судьбою,
Своею жизнью бедной! Недовольны
Тем, что их горький труд безмерно тяжек,
Что платят им ничтожные гроши,
Что мастера неправедны и строги,

Что штрафам и обидам нет конца,
Что темны и убоги их жилища,
Похожие на логова зверей,
Что старость им несет нужду и голод,
Что смерть их жадно косит без числа.
Всего не перечесть! И дух протеста,
Дух мести и восстанья вырастает
Из этой бездны горя и страданья,
Как колос из земли сырой!

Владелец рудника.

Сгустили
Вы слишком краски! Были недочеты
И промахи прискорбные—я знаю—
Но меры принял я. Назад полгода
Я выстроил убежище для старцев,
Сады и школы для детей открыл.
Простил вины, сложил все штрафы,
И выдал всем рабочим по червонцу
Из личных средств моих! Чего же больше?
Свой долг исполнил я!

Аллан.

О, фарисей,
Попробуй грудь кипящую вулкана
Залить ведром воды! Попробуй море
Кремневой искрою зажечь!
К чему скрывать? Когда б рабочим дали
Вы больше в десять раз, чем дали, все
равно—
Вы их сердца смирить бы не сумели!

Владелец рудника.

Но почему?

А л л а н.

О, слепота людская!
Уже ли нет очей у вас, чтоб видеть?
Или ушей, чтоб слышать? Где ваш разум?
Смотрите: тысячи сверкающих очей,
И сжатых рук, и голосов гремящих,
И потрясенных душ, и пламенных сердец
Тревожно вопрошают: почему
Мы брошены на вечное страданье,
На голод, холод, жажду? Почему
Всю жизнь обречены мы, словно черви,
Стучать во мраке ночи под землею,
Не видя неба, солнца, звезд, не слыша
Прибоя волн лазурных? Почему
Из наших слез и крови вырастают
Роскошные цветы для жирных трутней,
А мы живем в печали? Почему
Мы прокляты с рожденья до могилы?
Кто создал этот мир? Кто виноват,
Что он страданьем полн? Где справедли-
вость?
Где равенство? Где счастье? Где любовь?
Довольно мук и слез! Мы жаждем солнца!
Мы жаждем красоты и блеска жизни!
Мы больше не хотим рабами быть!
Да, не хотим!

В л а д е л е ц р у д н и к а.

Нелепые мечтанья!
Подумайте — ну кто поверит вам,
Что равенство возможно? Разве люди
Равны между собою? Разве нет
Между ними злых и добрых, бережливых
И расточительных, красивых и уродов,

Талантом одаренных и бездарных,
Усердных и бездельников? И разве
Помыслить даже можно, чтобы люди
Когда-нибудь сравнялись меж собой?
Не верю! Нет! Таков закон природы
И воля Господа! Останутся всегда
Богатые и бедные. Так было,—
Так будет впредь!

Аллан.

Так было не всегда
И так не будет впредь! Да, да не будет!
Я верю в человека! Мать Природа
Его в порыве страсти вдохновенной,
Как дивный перл творенья, родила,
Ему бессмертный Разум подарила
И над собою власть ему дала.
С тех пор сквозь даль и мрак тысячелетий
Шел человек, чело поднявши гордо,
Все выше и вперед. Одна победа
Сменялася другой, другая—третьей
И не было, и нет, не может быть
Конца его триумфам дерзновенным!
Он покорил огонь, заставил землю
Родить плоды, деревья же давать
Ему приют от бурь и непогоды,
Он возложил покорности ярмо
На птиц, животных, превратил пустыни
В цветущий сад, из темных недр земли
Металлы добыл, корабли построил,
Избороздил из края в край моря,
Прошел пески, снега, равнины ледяные,
И лентами железными путей
Весь шар земной, как сеткой, опоясал.

В стремленьи вечном к власти и господству
Он победил могучие стихии,
Как птица легкокрылая, прорезал
В стремительном полете глубь небес,
Как рыба, опустился дерзновенно
В таинственные бездны океана,
Рукою властной молнию смирил,
Ей повелев слова его и мысли
По миру разносить, давать тепло и свет.
В ни чем неутолимой жажде знанья
Он облетел на легких крыльях духа
Пространства бесконечные вселенной,
Измерил солнца, звезды, сосчитал,
Познал движенья вечного законы,
И в капле вод пытливо подсмотрел
Рожденья жизни тайну роковую.
Исполненный святого недовольства,
Всегда мятежно нового взыскуя,
Оковы прошлого он смело разрывал,
И разбивал, не ведая пощады,
Вчерашние кумиры! Он творил
И низвергал и вновь творил богов!
И в этой долгой битве с Неизвестным
Он закалил свой дух и как орел,
Смотреть он научился, не мигая
Великому Неведомому в очи!
Я верю, нет, не может быть границ
Могуществу и власти человека!
Нет воле его царственной преград!
И вы могли подумать что земля
Останется всегда юдолью скорби?
Что солнце не взойдет над ней вовек?
Как? Человек, сумевший в быстром беге

Тысячелетий кратких покорить
Своей могучей воле, землю, воду
И воздух, и огонь, и глубь морей,
Сумевший [illegible] престолы неба,
Разбить оковы духа, без числа
Сотворить чудес, проникнуть в тайны мира.
Ужели он не сможет, не сумеет
Изгнать из жизни властною рукою
Нужду, печаль, лачуги бедняков,
И тяжкий труд, и слезы, и проклятья?
Ужель он не сумеет превратить
Д[illegible] страданий,
В горящее огнями царство света,
Свободы, счастья, красоты?
У[illegible] не [illegible]
Что властно манит к высотам своим
Уж столько сотен [illegible] поколений?
Нет, нет! Я верю в человека! [illegible]
В [illegible] могучий разум! Он все может.
Он победит!

Владелец рудника

(Про себя)

Как речь его полна
И пламени, и блеска вдохновенья!
Он весь огонь! Теперь я понимаю,
За что его толпа боготворит!

(громко)

Красивые слова! Но труден путь к вершине
И жертвы велики! Да и к чему они?
Куда стремитесь вы? Чего хотите?
Сравнять людей? Убить талант и гений
На дух свободный цепи наложить?
В казарму обратить весь мир широкий??

По тесным клеткам рассадить людей,
Заставить всех носить одну одежду,
Из одного котла похлебку есть,
И богу одному молиться?
Следить за тем, чтоб все по образцу
Единому, одобренному свыше,
Любили, веселились, умирали,
И думали и плакали? Так, что-ли?
О, горе миру, горе человеку,
Коль победит толпа! Угаснет дух,
Померкнет луч свободы, тьма наступит,
Движенье прекратится, человек
В пресыщенного зверя обратится,
И запустеет мир!

[illegible].

Смешные страхи!
Не звери мы, не варвары—не бойтесь!
Мы—светлые апостолы весны,
Мы—эллины!.. О, дивная Эллада!
Вся залита солнцем, в легкой дымке
Лазурных вод полуденного моря,
Она была полна волшебной неги,
И пенья птиц, и шепота лесов,
И говора фонтанов серебристых,
И ясных лиц, и мысли вдохновенной,
И радости, и светлой красоты.
То был цветок весенний и прекрасный,
Взошедший на заре. Но он питался
Отравленным [illegible],
Слезами [illegible]...
И он погиб! Бессильны были люди,
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Храм дивный—человеческого счастья!
И мрачный дух Христа, как рок зловещий,
Вознесся над людьми и землю проклял,
И плоть отверг, и грозно возгласил:
„Земля—юдоль печали, жизнь—страданье,
„Спасенье в не еси, врата спасенья—
смерть!“
И два тысячелетия минули,
А мир лежал, склонившись пред
Распятьем,
Охваченный отчаньем, тоскою,
И мраком безнадежности смертельной...
Но мы пришли! Мы молоды и смелы!
Могуч наш дух, широки наши плечи,
И крепки наши руки! В голове
Сверкают молнии, а в сердце кровь
играет!
В нас сказочная мощь титанов древних!
Сомненья чужды нам! Мы знаем, верим,
Что хватит сил у нас построить на горе
Храм счастья человеческого! Верим,
Что новую Элладу—величавей
И радостней, чем старая,—сумеем
Мы воскресить из дальней тьмы времен!
Элладу, что не будет знать ни горя,
Ни слез, ни мук, ни рабства, ни оков,
Элладу, что, как мать, привет и ласку,
Найдет для всех, для всех своих сынов!
И мы пойдем! Пойдем туда, где солнце
Своим лучом вершину золотит,
Где песнь любви, познанья и свободы,
Как трубный глас, торжественно гремит!
Да, мы пойдем!

Владелец рудника.
(сурово)
А если не позволю
Я вам идти? Вас не пущу туда?!
Кто может помешать мне?! Иль не смею
Я господином быть? Иль не имею
Достаточно штыков?

Аллан.

Штыков? А если
Штыки изменят вам?

Владелец рудника.

Не обольщайтесь
Надеждами пустыми! Я уверен
В моих штыках! Я щедро им плачу!
Я их купил и мне они покорны!
За мной они везде пойдут!

Аллан.
(Загадочно).
Кто знает?
Порой и скалы рушатся, бывает,
Милльоны лет стоявшие недвижно!
Но если б даже все стихии мира,
Все силы ада, неба и земли
На нас огнем и бурей ополчились,
Мы все—таки пойдем!

Владелец рудника.
Пеняйте ж на себя

Аллан.

Итак война?

Владелец рудника.
Война!

Аллан.

Так пусть же будет
Она войной воистину! Войною,
Не знающей ни мира, ни пощады,
Войною до конца!

Сцена 2-я.

Комната с балконом, небогатая, но со вкусом убранная. На стенах портреты великих поэтов, мыслителей, композиторов, социалистов. В углу этажерка с книгами и нотами. На столе букет цветов. У стены рояль. Близится вечер. Аллан и Мина.

Мина.

Ты мрачен, мой любимый! Что случилось?
Чем опечален ты? Скажи скорее!

Аллан.

Что мне сказать? Стоит на месте мир,
И солнце в срок восходит и заходит,
И люди, как всегда, в подземном мраке
Долбят породу с утра до утра,
И сильный торжествует, а бессильный
Покорно погибает под ударом...
Нет, в мире не случилось ничего!
Все, все по старому!

Мина.

Но ты сегодня
Совсем другой! Тебя не узнаю я!
Ты был всегда так радостен и светел,
Так полон страсти, силы и огня,
В твоих глазах победно жизнь сверкала,
А на челе сиял горячий отблеск
Могучего, недремлющего духа,
Живущего в тебе! Когда ко мне
Ты приходил, всегда как будто солнце
В мою вступало комнату. Так сладко
Мне было нежиться в волнах его лучей!
Сегодня ж... Нет! Сегодня ты угрюм!
В твоих очах горит огонь зловещий,
Морщинами изрезано чело,

И мысли хмурые, как тени, вереницей
Проходят по лицу... О, мой любимый!
Скажи, скажи о чем твоя печаль?
Скажи, какая туча набежала
На солнце, что душе моей светило,
И помрачило блеск его лучей?

Аллан.

Напрасная тревога! И сегодня
Такой же я, как был всегда. Заботы,
Тяжелый труд, борьбы суровой горечь,
Друзей неверность, клевета врагов
Кладут свою печать на ум и сердце...
Но это все пройдет!

Мина.

Нет, нет, любимый!
Иль я тебя не знаю? Не умею
Читать в душе твоей? Иль я не вижу,
Что мысль суровая, что тяжкая забота
Твой гордый ум терзает, но не хочешь
Ты предо мной доверчиво открыться?
О, почему молчишь ты? Почему?
Иль нет во мне любви, всегда готовой
На жертвы, на страдания и смерть?
Иль нет в моей душе того огня,
Что с юности твоей сжигает сердце?
Иль в битвах и невзгодах не была я
Всегда твоею верною подругой?
Иль в тяжкие опасности минуты,
Когда, казалось, все, за что боролся,
К чему стремился ты, несется в бездну,
И рушится и гибнет безвозратно,
Я не стояла рядом, подставляя
Под тяжкие удары грудь свою?

За что ж теперь меня ты изгоняешь
Из сердца своего? За что лишаешь
Доверия и счастия с тобою
Делить всегда и радость и печаль?

Аллан.

(после некоторого молчания сильно тронутый)

Прости меня, любимая! Невольно
Я оскорбил тебя. Клянусь, нет друга
Мне ближе и роднее и дороже,
Чем ты! О, верь! Во всем широком мире
Нет существа, с которым так охотно
Готов делить я был бы радость, горе,
И мысли, и желанья!.. Но есть боли,—
Их гордый дух ни с кем делить не может,—
Он должен их перестрадать один!
И думы есть,—они его лишь думы,
Он должен передумать их один!..

(после небольшой паузы)

Но нет! К чему молчать? К чему напрасно
Тебя томить? Тебе, моей любимой,
Моей подруге верной и отважной,
Я все могу сказать! Так знай же, Мина:
Великий жребий брошен, и война
Об'явлена!

Мина.

(взволновано)

Как? Что ты говоришь?

Аллан.

Война об'явлена! Тот кто владеет
Всем, что ты видишь здесь,—землей, домами,
Машинами, людскими потом, кровью,
И грудами проклятого металла.

Тот, кто себя надменно называет
Владыкой мира, мне сказал: «Война!»
И я ему ответил, словно эхо,
Гремящее в теснинах гор: „Война!"
Мы или он? Народ иль повелитель?
Из темной бездны рвущаяся масса
Иль полубог земной с бичем в руках?
Обоим тесен мир! Смерть иль победа!
Таков пароль! Таков зловещий лозунг,
Написанный на знамени войны!

Мина.

Свершилось! День настал — и страшный и
желанный,—
Его ждала так долго я, о нем
Так много, много думала, мечтала!..
И сердце замирает и трепещет
И ждет чего-то, а смущенный взор
С надеждой и тревогой смотрит в очи
Грядущему!.. Как будто на утесе
Над морем я стою и с высоты
Смотрю в пучину темную... Туда
И хочется мне броситься, и страшно...
Что *завтра* нам несет? Победу? торжество?
Иль гибель? Смерть? Позор? Кто знает?
Любимый мой, скажи уверен ты
В дне завтрашнем?

Аллан.

Из бездны океана
Идет волна,—кто глядя с высоты,
Дерзнет измерить мощь ее удара?
Кто скажет, разобьет ли в бурном гневе
Она утеса дикую громаду,
Или сама, разбившись об утес,

Отхлынет в глубину с печальным стоном,
Слезами брызг оплакивая гибель
Своих надежд? Кто может предсказать
Что *завтра* нам несет? Кто может
В нем быть уверенным? Я *верю*
В день завтрашний, и этого довольно!
И с радостной улыбкой на устах
Встречаю я зарю его рассвета,
Несущего в своем пурпурном лоне
Победу или смерть... И только...

Мина.

Только?.
Что хочешь ты сказать?..

Аллан.

Одна лишь мысль.
Одно лишь чувство сердце мне сжимает,
И мрачной тенью на душу ложится...
Нет, то не страх! Не смерти я боюсь!
Что смерть? Она лишь краткий миг страданья,
За ней идет покой! Она легка
Тому, кто верит! Жизнь свою спокойно
Отдам за то, чему служу!.. Есть вещи
И горше и ужаснее, чем смерть!..
Когда в порыве страсти и восторга
Толпа меня на плечи подымает,
[illegible], [illegible] рукоплещет
И радостно мой усыпает путь
Цветами и гирляндами, как будто
[illegible],—
[illegible] страданья,
[illegible], ночей бессонных
[illegible]?!

Кто ведает, какой ценой кровавой
Оплачен этот краткий миг победы,
Могущества, признания и славы?!
О, братья и друзья! Удел ваш, знаю,—
Страдание, но каждый среди вас
Страдает за себя лишь,—я ж страдаю
За всех, за всех! Вы думаете каждый
Лишь за себя,—я думаю за всех!
Заботитесь вы каждый о себе лишь,—
Меня ж гнетет забота обо всех!
Я вождь! Мне тысячи доверили свободно
Свою судьбу и жизнь! О, что за мука
Нести, сгибаясь бремя этих жизней,
Забот, страданий, мыслей на плечах!
О, что за мука чувствовать,—их судьбы
В твоих руках! За них *ты* отвечаешь!
Да, *ты*!. Нет, нет! Такого напряженья
Не могут долго выдержать ни ум,
Ни сердце человека! И порою
Готовы мои плечи подломиться
Под тяжестью смертельной! Посмотри
На волосы мои,—они темны,
Еще силен, еще я молод, молод!
Но под волною темною волос
Уж серебрятся, снегом отливая
Предательские нити! Мина! Мина!
То горький и почетный знак вождя!

(В сильном волнении начинает ходить вздад и вперед по комнате)

Война об'явлена! О, если б мог я
Грядущее провидеть! Еслиб б знал я
Что завтра нам несет? Успех? Победу?
Иль гибель? Смерть?.. О, братья и друзья!
Велики ваши муки, но сегодня

Еще живете вы!.. Еще доступны
Вам радости, печали, утешенья...
Вы можете любить, смеяться, думать,
Ходить, мечтать, над головою видеть
Синеющее небо, жадно пить
Лучи полуденного солнца, слышать
Протяжный шум лесов, вдыхать глубоко
Росистый воздух ночи, глаз ласкать
Ковром лугов, сияньем заката,
И гор могучих дикой красотой..
Еще живете вы и движетесь... А завтра,
Быть может, вы заснете сном могилы...
И в трупы превратитесь .. В царство
смерти
Уйдете навсегда... Глаза сомкнете
И больше не увидите ни неба,
Ни солнца, ни лугов, ни дальних гор..
И это все в моих руках? Я должен
Решать идти ль вам завтра в бой иль нет?
Решать, остаться ль завтра вам живыми
Иль умереть? Я должен все решать!
О, мука, мука! О, тяжкое страданье,
Которому нет меры, нет конца!

(Сурово сжав голову руками, задумывается, потому вдруг порывисто встает и с просветленным лицом продолжает

Оденься сталью, сердце! Ум, воспрянь
И загорись огнем неугасимым!
Назад возврата нет! Вперед! Вперед!
Во имя человеческого счастья,
Во имя красоты и блеска жизни
Во имя разума бессмертного иду!
И на себя за кровь, за смерть, за жертвы
Я тяжкую ответтственность беру!
Вперед! Вперед!

Мина.

Вперед! Иду с тобою!
Какой то голос шепчет мне, что завтра
Нам суждена великая победа!
Я верю в наше торжество, я вижу,
Как тысячи знамен, шумя по ветру,
Над павшими твердынями врага
Победно развеваются!.. А, если
Предчувствие меня обманет .. Если
Идущий день нам принесет печаль,
Страданья, гибель смерть .. Да будет так!
Мы умереть сумеем! Мы покажем
Грядущим поколеньям путь к свободе,
И жаркой кровью землю оросим!

Аллан.

Любимая, дай руку мне! С тобою
Я не боюсь ни неба, ни земли!
Душа моя полна огнем, и тени
Последние уходят из нее!
Вперед! Вперед! Мы победим, я верю,
И на вершине дивный храм построим,
Храм Счастья человеческого!

Мина.

(после некоторого молчания, глубоко и задумчиво)

Милый,
Любимый мой! Д[illegible] .
Завтра
Принадлежит борьбе суровой... Завтра
Нас ждут тревоги битвы... Нас, быть
может,
(Страданья ждут, [illegible] гибель
Печаль и смерть? Кто знает?.. Но сегодня,

Сегодня нам принадлежит! Сегодня
Мы сил полны, в нас жизнь трепещет,
В нас ярким пламенем горит любовь!
О, дорогой! Пусть краткий миг забвенья
Тебя пред грозной битвой осенит!
Пусть мир и тишина стопой неслышной
Сойдут в твою взволнованную душу
Забудь свои тревоги и сомненья.
Разгладь морщины, тени отгони,
И подари сегодня наслажденью,
И красоте, и счастью, и любви!..

А л л а н:

(обнимая и целуя Мину).

Любимая! Пускай сольются вместе
И души наши и уста! Как ярко,
Как нежно блещут в сумраке вечернем
Твои глаза! Как жарко дышит грудь!
Как тихо розовеет на ланитах
Румянец жизни! О, как ты прекрасна!
Ты вся любовь и ласка! Ты—моя!
Пусть завтра бой и муки и страданья,
И кровь, и смерть сегодня торжествует
Любовь и красота!

М и н а.

(увлекая Аллана на балкон)

Смотри любимый!
Уж вечер наступил... Взошла луна
И залила волною серебристой
И даль лугов, и дремлющие горы,
И мрачную долины глубину,
Где бродят чьи то призрачные тени ..
Как тихо все!.. Замолкли птицы, люди...
Деревья спят, не дрогнет лист в ветвях...

И спят цветы, склонив свои головки,
И спит трава полей, сверкая тихо
Алмазами росы... Молчит земля...
Молчат утесы, горы, небо, звезды...
Молчит ночная тьма... Лишь сердце
говорит,
Лишь сердце песнь поет... О, мой любимый
Моя душа полна! Как жизнь прекрасна!
Как ясно и легко! Какое счастье,
Что в мире есть любовь?

(крепко прижимаясь к Аллану)

Люблю! Люблю!

(Оба медленно возвращаются в комнату, крепко обнявшись. Мгновение они стоят молча, устремив взор в сторону балкона, где в просвет стены глядится ночная тьма, звезды и освещенное луною небо. Потом Мина быстро, точно по внезапному порыву, подходит к роялю и садится: раздаются звуки „Лунной Сонаты“ Бетховена. Аллан, прислонившись к окну, задумчиво смотрит в глубину ночи. Звуки несутся широкою волной, победной и торжествующей.)

Сцена 3-я.

Подземная шахта. Нависшие своды из дикаго камня. Справо и влево разбегаются многочисленные ходы и галлереи. Мрачно-угрюмо. Немногие тусклые лампы плохо освещают пространство. Полутьма. В разных концах штольни видны рудокопы. Стоя, сидя и лежа, они отбивают породу.

1-й рудокоп.

Тук! Тук! Тук — Тук! Всегда одно и тоже!
И день и ночь дробим мы мертвый камень,
Пока не станет голова кружиться.
И руки не отнимутся... Проклятье!
Мы каждый день все чахнем и худеем
От голода, от тяжкого труда,
А он себе жиреет, да жиреет,
От золота, от наших мук и слез!
И так весь век? Уж лучше б не родиться,
Чем то терпеть, что терпим мы.

2-й рудокоп.

Вчера
Опять мою руду не принял штейгер!
Все, видишь ли, не ладно, все не так.
Ногой пнул сердито вагонетку
И в сторону с змеиным шипом бросил:
„Попомнишь ты меня, смутьян проклятый!
„Узнаешь, как рабочих бунтовать!“
Когда ж конец? Что день, то новый штраф,
То новая жестокая обида!
А почему? За что?.. Чем виноват я,
Что все кругом озлоблены? Что в сердце
И у меня лишь ненависть кипит?
Довольно! Я терпел, терпел покорно, —
Но больше не могу! Да, не могу!
И не хочу!

Мальчик.

(со слезами в голосе)

А он меня сегодня
Прибил... Мне было больно...

1-й рудокоп.

Кто прибил?

Мальчик.

Да штейгер...

2-й рудокоп.

А за что?

Мальчик.

Я не хотел
Спуститься в штольню старую... Там
страшно...
Никто туда идти не соглашался,
Там много газу.. Я боялся взрыва..
Тогда он подскочил ко мне, ударил
И вниз меня толкнул... Я покатился
По лестнице крутой, упал на камни
И долго там без памяти лежал...
Потом туда рабочие спустились,
Меня нашли и вынесли наверх...
Вот синяки и ссадины... Не знаю,
Как жив остался.. Все болит и ноет.

1-й рудокоп.

О, негодяй! Ребенка истязать!

2-й рудокоп.

Проклятые! Когда же смерть и гибель
На вас придет?

3й рудокоп.

А где же наш певец,
Что помогал то шуткой, то весельем
Часы и дни труда нам коротать?
Его не вижу я!

4-й рудокоп.

И не увидишь:
Уволен он!

Все сразу.

Как? Что? Когда уволен?

4-й рудокоп.

Вчера его к себе директор вызвал
И заявил, что песнями и смехом
Рабочих развлекает он, мешая
Им выполнять свой долг, и нарушает
Порядок в руднике. За преступленья
Столь тяжкие он каре подлежит
И должен быть уволен. Каково!
Преступник засмеялся и ответил:
„О, господин директор, прикажите,
„Чтоб солнце не сияло! Повелите,
„Чтоб птицы перестали петь! Ведь это
„Порядок нарушает в руднике!“
Как бешенный вскочил директор с места,
Затопал, закричал и выгнал вон
Товарища...

2-й рудокоп.

Обида за обидой!
Довольно мы терпели!

3й рудокоп.

Да, довольно!
Им мало было наших пота, крови

И тяжкого труда! Им надо было
Еще лишить нас радости последней.
Невинной радости, что скрашивала часто
Нам жизни темной горькие часы!
Проклятые!

1-й рудокоп.

(к пятому)

А ты что приуныл?
Что голову повесил?

5-й рудокоп.

Не судьба
Мне быть веселым! Горе да несчастье,
Как две собаки, гонятся повсюду
За мною по пятам! Меньшого сына
Я схоронил два месяца назад..
Бедняжка долго мучился.. В лохмотьях
На жестком ложе тихо он стонал
И таял, как свеча... В бреду метался
И жаркими губами мне шептал:
„Здесь душно... Давит грудь... Уйдем скорее
„В поля, в леса!.. Там хорошо... Там
тихо...
„Там буду бегать я!“. Он горько плакал
И все просил так жалобно, так страстно...
Но я не мог уйти... Я был прикован
К проклятой шахте крепкими цепями...
И умер он... Мой сын! Мой сын! Мой
мальчик!
Едва успел я сына схоронить,
Как занемог отец... Весь день покорно
Лежал он на скамье, глаза слепые
Куда то вдаль недвижно устремив
И вытянувши старческое тело,

Худое, изможденное страданьем,
Изъеденное каторжным трудом!
Прошло немного дней, и дед за внуком
Ушел туда, откуда нет возврата...
Крепился я... Пред роком беспощадным
Главу я не хотел склонять, да видно,
Того что суждено, не миновать.
Слегла жена... Уж десять дней в постели...
Не ест, не пьет, вся высохла, как щепка,
Всю ночь в жару,—то плачет, то смеется,
Меньшого сына кличет, и порою,
Уставившись безумным взглядом в угол,
Руками машет и кричит кому-то
„Уйди, Уйди!“ так дико и ужасно,
Что волосы встают на голове...
А в доме все запущено и грязно.
Очаг потух, голодные ребята
Больную мать зовут и громко плачут,
Дрожа весь день от холода и страха...
Куда идти? Что делать мне? Не знаю...
Смешалось все... Я тень, не человек!

(Горестно машет рукой, отворачивается и снова принимается за работу).

6-й рудокоп.

(восходя из галлереи и обращаясь к третьему)

Ты здесь сидишь и ничего не знаешь,
А там, вверху, твоя сестра сейчас
Оскорблена, унижена, готова
В отчаяньи на все!

3-й рудокоп.

(вскакивая)

Что, что случилось?
О, не томи! Скорее говори!

1-й рудокоп.

Еще несчастье!

2-й рудокоп.

Чую я плохое!

(к шестому рудокопу)

Ну, что ж ты стал?

4-й рудокоп.

Да говори ж смелее!

Уж лучше правду знать, чем так терятся
В мучительных догадках!

(Все рудокопы бросают работу и окружают шестого).

6-й рудокоп.

Хорошо!

Так слушайте ж! В обычный час сегодня
Его сестра явилась на работу,
Была все время радостна, довольна,
С подругами смеялась... Среди дня
Ее вдруг к мастеру в контору вызывают
Чтоб штраф сложить, полученный вчера,
Она идет. На лестнице ее
Встречает мастер с дьявольской улыбкой
Ведет к себе и, с ней один оставшись,
Дверь тотчас запирает на замок.
Проходит миг, другой... Вдруг из за двери
Закрытой раздается страшный крик,
И шум борьбы, и громкий стук падения.
Летят осколки стекол из окна,
И вниз оттуда прыгает на землю
Его сестра, растрепана, избита,
В разорванной одежде... Вся в слезах
Она бежать пытается, но тщетно...
В последний миг ей силы изменяют

И падает она, как сноп на землю...
Теперь там собралась толпа... Шумят
И требуют виновного к ответу!
В волненьи весь рудник...

3-й рудокоп.

О, где он? Где он?
Проклятый зверь, я задушу тебя!
Я разорву на части твое тело,
И выброшу собакам! Кровь твою
Я выточу по капле! Берегись же!
Ты не уйдешь от мщенья моего!

(В страшном возбужденьи убегает)

1-й рудокоп.

Какая гнусность!

2-й рудокоп.

Нет конца обидам!
Ужель и это так пройдет? Не люди,
А твари жалкие мы! Подлые рабы!

4-й рудокоп.

Я весь дрожу. Как, братья? Неужели
Опять смолчим?

5-й рудокоп.

Нет, Нет! Довольно?
Довольно нас терзали!

7-й рудокоп.

Верно, брат!
Довольно нас губили и терзали!
Довольно нас томили в подземельях!
Довольно пили нашу кровь! Пора!
Чего нам ждать? К чему еще нам медлить?
Ударом мощным цепи разорвем,

Строенья подожжем и, опрокинув
Ряды врагов, пойдем вперед, к вершине,
Что нас зовет к себе, что обещает
Нам счастье и свободу!

Старый рабочий.

Погоди,
Не торопись идти медведю в лапы!
Уж очень ты речист! Не так то просто
Оковы разорвать! Уж много лет
Живу на свете я—ох, много, много!—
И часто слышал я, как молодцы,
Такие же, как ты, хвалились громко
Что цепи разорвут и на вершину
Нас поведут.. А цепи все крепки,
И далека вершина, и покорно,
Мы шею гнем, и день и ночь стучим
Во мраке рудника! Давно, давно,
Тому назад лет тридцать, помню, было
Здесь страшное волненье... Все восстали...
Работу побросали, поднялись
Из тьмы на Божий свет.. В толпу собрались
Грозили кулаками, пели песни,
Кричали громко, что идут к вершине..
Потом пришли солдаты... Вспомнить страшно,—
Стреляли, били, на штыки хватали,
Рубили саблями... Залили кровью
Все зданья, улицы, дома... Три дня
Везде валялись трупы... Пахло гнилью,
Зловонием и смертью... Темный ужас
Простерся над землей... Казалось, воздух
Был полон стонами и воплями казненных...
Но этого *ему* все было мало...

Из тех, что уцелели, приказал
Он вырвать сотню сильных и отважных...
Их в шахту бросили, глубоко под землей.
И залили водой. . Там все погибли ..
И много, много лет сквозь шахты той
Ночами раздавались стоны, крики
И страшные проклятья... До сих пор
Я весь дрожу, когда мне в ум приходит
То время страшное. . Не дай Господь
Мне пережить подобное еще раз!
Нет, братья, не легко, ох, не легко
Оковы разорвать! Силен проклятый,
Силен и беспощаден!.. Лучше тише
Себя держать, во всем покорным быть
И не гневить *его*... Ужасен в гневе
И страшен *он*... Поверьте старику!

7-й рудокоп.

Ну, не пугай! Не страшно! Мы не дети!
Другие времена, другие песни!
Тогда *он* мог торжествовать над нами,
Теперь *мы* победим его!
Лишь смелость, смелость и еще раз
смелость,
Не спать, а действовать! Не ждать удара,
А наносить самим! Лишь в этом, братья,
Залог успеха! Что же мы стоим?
Чего боимся? Нет, Аллан напрасно
Так медлит с нападеньем! Все готово!
Все ждет сигнала к битве! Эх, друзья!
Затянем—ка мы песню удалую,,
Пускай она подымет дух унылый,

Пусть в сердце кровь зажжет!

(к первому рудокопу)

Эй, запевай!

(Рудокопы берут в руки кирки и по звуки песни в такт ударяют ими по окружающему их дикому камню. Получается мрачный и угрюмый аккомпанимент к песне):

1-й рудокоп.

(Поет)

Окутаны пологом мрака сырым,
Мы камень холодный упорно дробим!

Все.

(Подхватывают)

Дробим! Дробим! Дробим!

1-й рудокоп.

Из камня мы золото жадно сосем,
Из золота цепи себе мы куем!

Все.

Куем! Куем! Куем!

1-й рудокоп.

Не знаем мы солнца, свободы, весны,
Как черви, во мраке мы рыться должны!

Все.

Должны! Должны! Должны!

1-й рудокоп

Кто любит нас, братья? Кто любит? Никто!
За что мы страдаем? Кто скажет, за что?

Все.

За что? За что? За что?

1-й рудокоп.

Довольно! Да, сгинут насилье и гнет!
Срывайте же цепи и смело вперед!

Все.

Вперед! Вперед! Вперед!

1-й рудокоп

Мы к счастью и свету отважно пойдем!
Мы здесь на земле себе долю скуем!

Все.

Скуем! Скуем! Скуем!

(При последних звуках песни входит Аллан.)

Рудокопы.

Аллан, Аллан! Да, здравствует Аллан!
Да, здравствует наш вождь!

Многочисленные голоса.

Аллан пришел!
Он хочет говорить! Все, все, идите!
Скорей сюда!

(Со всех сторон из шахт и галлерей сбегаются рабочие, быстро образуется толпа, в центре которой стоит Аллан. Он легким и красивым движением подымается на камень и обращается к толпе с речью)

Аллан.

Товарищи! Друзья!
Когда на потемневшем небосводе
Сверкают молнии и гром гремит
И ветер дико воет и на море
Угрюмом и вспененном,—колыхаясь
Идет не удержимой чередою
Громада волн могучих,—капитан

На вышке корабля стоит и жадно
Пронзает взором сумрачную даль!
Он бег валов следит орлиным взором...
И кратки его речи, и суровы
Его слова.. Товарищи, друзья!
Гроза идет! Великая, как море,
Могучая, как жизнь.. Уже гремят
Ее раскаты в воздухе замершем...
Уже стремительно из края в край
Ее дыханье жаркое несется.
Гроза идет! Минуло время слов,
И краток буду я!.. Скажите, братья,
Вы счастливы?

Голоса.

Нет! Нет!

Еще голоса.

Какое счастье?
Несчастны мы!

Аллан.

Да, вы несчастны, братья!
Ужасный рок над вам тяготеет
Всю вашу жизнь с начала до конца!
Еще во чреве матери кладет он
На вас печать проклятья и родитесь
Вы хилыми бескровными тенями.
У колыбели вашей он стоит,
Свет солнца заслоняя. Яд печали
Он подливает в чашу, из которой
Вы пьете в детстве. С ранних лет он гонит
Вас в вечный мрак глубоких подземелий,
Всю жизнь он крепко держит вас в цепях,
Прикованными к каторжника тачке,
И жадно кровь горячую сосет

Из ваших жил, и жадно пьет он радость
Из ваших душ горячих, а потом,
Когда уж не останется, о, братья,
Ни капли крови в ваших жалких членах,
Ни радости луча в сердцах угрюмых,—
Он шлет вам смерть. Он шлет отдохновенье
В сырой земле!

1-й голос.

Он верно говорит!

2-й голос.

Что наша доля? Темная могила!
Мы прокляты!

3-й голос.

Нас горе породило,
Страдание крестило, а несчастье
Вспоило и вскормило!

Голоса:

Тише, тише

Аллан.

И все зачем? Чтоб жадными руками
Из камня выбивать металл проклятый
И складывать его смиренно в горы
У ног бездельников? Чтоб вечно плакать
И видеть, как другие веселятся?
Чтоб вечно жаждать капли вод и видеть,
Как жадно упиваются другие
Струею ключевой? Алкать чтоб вечно
И видеть, как другие, наслаждаясь,
За пиршеством сидят? За тем ли, братья,
Мы родились? Затем ли увидали
Сиянье дня?

Голоса.

Проклятая судьба!
За что страдаем мы?

Аллан.

Товарищи! Друзья!
Хотите—ль быть счастливыми?

Гул голосов.

Хотим!

Аллан.

Хотите ль быть свободными?

Гул голосов.

(еще громче)

Хотим!

Аллан.

Так рвите ж намозоливщие цепи!
Сбивайте прочь оковы! Выходите
Из этой тьмы на свет, где блещет солнце!
Там к небесам возносится вершина —
Она близка! Она зовет к себе!
Великий день настал,—гремите трубы!
Звучите песни! Гордо развевайтесь
Знамена боевые! Мы идем!
Вперед же, братья! К счастью и свободе!
К сверкающей вершине!

Гул голосов.

Мы идем!
Вперед! Вперед!

Старый рабочий.

Ох, страшно что-то, братья!

Аллан.

Старик, не бойся: лучше умереть
В борьбе за свет за счастье и свободу
Чем в рабстве жить!

7й рудокоп.

Да, здравствует борьба!
Да здравствует Аллан! Идем к вершине!

2-й рудокоп.

(к старику)

Идем! Идем!

Старый рабочий.

Иду! Умру со всеми!

Гул голосов.

Да, здравствует борьба! Идем к вершине!
Аллан, Аллан! Веди к победе нас!

(Толпа подхватывает на руки Аллана и, выливаясь медленным потоком в одну из галерей, постепенно исчезает. Пространство под сводами пустеет. Редкие лампы тих. мигают в полутьме Воцаряется молчание Вдруг откуда то из за сцены раздается громкое восторженное пение)

Толпа рабочих.

(за сценой поет)

Довольно! Да сгинут насилье и гнет!
Срывайте же цепи и смело вперед!
Вперед! Вперед! Вперед!

Сцена 4-я.

Площадь перед главным зданием конторы рудника Улицы справа и слева. Видно как с левой стороны вдоль улицы приближается громадная толпа рабочих с музыкой и пением. Над толпой веют десятки красных знамен с различными надписями Во главе толпы несут большое красное знамя, со словами: „Смерть или победа'" Впереди этого знамени идут Аллан и Мина, украшенные красными лентами и цветами Красные гвоздики, ленточки и банты видны у большинства рабочих. Справа выход с площади в улицу преграждает отряд солдат под командой офицера. На балконе здания конторы стоит владелец рудника. Вдали видна снежная вершина. Она как бы молчаливо варит над всей открывающейся картиной

Толпа.

(Медленно приближаясь, поет)

Кто любит нас, братья? Кто любит? Никто.
За что мы страдаем? Кто скажет, за что?
За что? За что? За что?
Довольно! Да, сгинут насилье и гнет!
Срывайте же цепи и смело вперед!
Вперед! Вперед! Вперед!

(Толпа заполняет площадь и останавливается. Между ней и рядами солдат остается узкое пространство).

Офицер.

(к солдатам)

Готовься к бою! Ружья на перевес!

(Раздается жуткое бряцание стали, стена солдат ощетинивается штыками. В толпе сильное волнение)

Голос из толпы.

Они хотят стрелять!

Офицер.

(к толпе)

Ни шагу дальше!
Стой! Разойдись!

Мина.

Дорогу нам! Дорогу
Прочь! Прочь, насильники!

Голоса из толпы.

Вперед! Вперед!
Чего бояться нам?

Еще голоса из толпы.

Держитесь, братья,
Они пугают нас! Стрелять не будут!
Вперед! Вперед! К вершине мы пойдем!

(Толпа делает попытку двинуться дальше)

Офицер.

(бросаясь к толпе с обнаженной саблей)

Стой! Разойдись! Не слышите вы, что ли?
Всех растрелять велю!

Владелец рудника

(с балкона офицеру)

Смелей! Не бойтесь
Что там за нежности? Стреляйте! Бейте
Колите! Улицы залейте кровью!
В ней потопите гидру мятежа!
Прочь сожаление! Разите без пощады!
Пусть содрагнется мир! Пусть вечно помнят
И те, кто ныне жив, и дети их,
И дети их детей, что значит
На власть мою преступно восставать!

Голоса из толпы

Мы душ ему своих не продавали!
Как смеет он?

Еще голоса.

О, выродок проклятый!
Паук! Убийца! Изверг! Изувер!

Еще голоса.

Долой его! Ишь крови насосался!
Убить его, убить!

Еще голоса.

Чего стоим?
За камни! За дубины!

Офицер.

(к солдатам)

Рота! Смирно!
Готовься к бою! Ружья на руку!

(Солдаты вскидывают ружья на прицел).

Аллан.

(бросаясь вперед)

Безумцы! Стойте! Опустите ружья!
Страшитесь кровь пролить! Мы — ваши
братья.
Отцы, друзья, товарищи!

Офицер.

Молчать!
Всех изрублю!

Мина.

(бросаясь к офицеру)

Прочь, прочь, убийца гнусный!

(к солдатам)

Остановитесь, братья! Не стреляйте!
Не подымайте рук на безоружных!

Офицер.

(солдатам)

Эй, слушайся команды!.. Ро—та, пли!!

(Раздается залп, площадь заволакивается дымом на несколько мгновений, скрывающим толпу)

Голоса из толпы.

—Стреляют!..

—Кровь!..

—Убили!..

—Палачи!...

—Бегите все! Спасайтесь!

—Стойте! Стойте!

Куда же вы? Опомнитесь!

—Ой, страшно!

Убьют! Убьют!

—Держитесь крепче, братья!

—Они уйдут!

Голос Аллана.

(сквозь дым)

Товарищи, [illegible]!

Не падать духом! Выше знамя! Выше!

Готовьтесь к бою! Стройте баррикаду!

За дело все! За дело!

Гул голосов

Баррикаду

Строй баррикаду! Баррикаду!

(Дым постепенно рассеивается. На земле видно несколько раненых и убитых. Толпа [illegible] и проч. [illegible])

Рабочий.

[illegible]!

Другой рабочий.

Вот здесь насыпь земли!

Еще рабочий.

Катите бочку!

Жещина.

Сверху положите
Подушек и мешков!

Мальчик.

(подавая револьвер одному из рабочих)

Вот, дяденька, возьми!

(указывая на дом)

Я тут нашел!

Мина.

(со знаменем в руке взбегая на баррикаду)

Товарищи, ко мне!
Мы здесь умрем за счастье и свободу!

Офицер.

(беснуясь)

Как? Бунт? Мятеж? Восстанье против власти?
Да я вас!.. Я вас в порошок сотру!
Всех застрелю! Повешу! Уничтожу!

(к солдатам)

Готовься к бою! Ро—та!..

Аллан.

(вскакивая на баррикаду, к солдатам)

Стойте, братья!
Да, не подымется у вас рука
На страждущего брата! Да, не будет

Она обагрена в крови невинной!
Отбросьте ружья! Слушайте меня!
Кто вы солдаты? Вы народа дети,
Вы дети горя, муки и нужды!
Вы наша плоть и кровь! Смотрите—здесь,
меж нами,
Здесь ваши братья, сестры и невесты,
Здесь ваши матери, отцы! Они любили
Они поили и кормили вас!
Дерзнете-ли теперь в их грудь направить
Вы пулю смертоносную?

Офицер

(в ярости)

Прочь! Прочь!

(к солдатам)

Не слушайте его! Он бунтовщик!
Он враг закона! Ро—та...

Аллан.

(прерывая офицера)

Стойте! Стойте

Слезами матерей, носивших вас,
Морщинами отцов, что вас вскормили,
Печалью детских лет, мечтой любви,
Надеждою на счастье, вашей жизнью
Я заклинаю вас: остановитесь!
Винтовки опустите! Не стреляйте!

Офицер.

(еще более яростно)

Стреляйте ж, чорт возьми! Чего вы ждете?
Вы слышите команду? Ро—та пли!

(Раздаются два одиноких выстрела поверх толпы; остальные солдаты, опустив глаза к низу, хранят угрюмое молчание)

Толпа.

(радостно)

Ура! Ура! Солдаты не стреляют!

Офицер.

(к солдатам в исступлении)

Как? Вы противитесь? Вы... С ними за одно?
Вы... К бунту. В бунте... Ха! Я ж покажу вам!

(Бросается с обнаженной саблей к одному из солдат)

Стреляй, мерзавец! Зарублю тебя!

(Солдат отбивает удар сабли винтовкой)

Аллан.

(к солдатам)

Товарищи! В плену вы долго были
У страшного и злобного врага!
Он усыпил в вас совесть, ум спутал
Змеиной хитростью, на плечи ваши
Надел мундир, дал в руки вам ружье
И приказал: „Молчи и повинуйся!“
И вас послал стрелять в своих [illegible]!
Опомнитесь! [illegible] откройте, братья!
Вложите меч в ножны!

(Солдаты в нерешительности переминаются с ноги на ногу)

Офицер.

(растерянно)

Да что же это?
Да [illegible] Да кто [illegible] вас?

Мина.

[бросаясь к солдатам]

[illegible]
[illegible]

Я здесь одна, бессильна, безоружна;
Ну что же вы? Я жду! Кто первый
Мне нанесет удар?

(Она все ближе напирает грудью на торчащие штыки, солдаты невольно отступают)

Мина.

А?! Вы боитесь?
Вы не решаетесь? У вас не хватает духа
Пронзить мое трепещущее сердце?
Но почему? Ведь это не опасно!
Ведь я стрелять не буду! Ведь винтовки
У вас в руках — не у меня! Ну что ж?
Я жду! Кто самый храбрый среди вас?
Кто совершит геройский подвиг? Кто?

1-й из солдат.

(бросая винтовку на землю)

Нет! Нет! Я больше не могу! Не в силах
Сносить я этой муки! Палачем
Я не был и не буду никогда!
Коль согрешил—прошу прощенья, братья!
Я к вам иду, примите же меня!

(Выходит из строя и, перескочивши через баррикаду, присоединяется к рабочим)

Толпа.

(восторженно)

Да, здравствуют солдаты! К нам, солдаты
Мы братья вам! Мы братья! Ружья прочь!

Аллан.

(к солдатам)

Скорее к нам! Здесь ждут вас братья,
сестры,
Здесь матери протягивают к вам

Трепещущие руки, а невесты
Вам шлют призыв любви! Чего ж вы
стали?
Смотрите, как сияют их глаза,
Как лица их светлы, как вдохновенно
Звучат уста! Они зовут вас, братья!
Зовут сюда, зовут в свою семью!
Скорей же к нам, скорей! Прочь колебанья!
Прочь робкие сомненья! Час настал!

(В рядах солдат сильное волнение)

Толпа.

(протягивая руки, к солдатам)

Солдаты к нам! Скорее к нам! И вместе
К вершине мы пойдем! К свободе
к счастью

Офицер.

(бросаясь к солдатам)

Ни с места! Я вас!.. Я вас!..

2-й солдат.

(ударяя офицера штыком)

Прочь с дороги!
Довольно покуражился!

Офицер.

(падая)

Конец

Солдаты.

(группами перебегая к рабочим)

—Примите нас!
—Мы к вам идем!
—Мы братья!

Толпа.

Ура! Ура! Да, здравствуют солдаты!
Да, здравствуют солдаты!

Владелец рудника.

(на балконе)

Боже! Боже!
Погибло все!

Аллан.

(громовым голосом)

Товарищи в ряды!
Вперед! [illegible] К счастью и свобод[illegible]!

(Рабочие и солдаты поспешно строятся в [illegible] процессию. [illegible] зобновляется)

Мина.

Свобода или смерть!

Гулголосов.

Свобода! Счастье!

Аллан.

Вперед! Вперед!

([illegible])

Штыки вам изменили

[illegible]

(Начинает взбираться на утес, поет)

[illegible] отчаянье [illegible]!
[illegible] здесь, на земле, себе долю скуем!
Скуем! Скуем! Скуем!

Конец третьего акта.

Акт четвертый.

Действие происходит на вершине горы. Между третьим и четвертым актом проходит ряд десятилетий

Действующие лица четвертого акта:

Дукс.

Гемма

Толпа.

Люди и голоса из толпы.

Голос.

Сцена 1-я

Снежная вершина. По склону ее движется толпа темных фигур. Солнце близится к закату.

Дукс.

Вперед! Вперед! Еще одно усилье,—
И на вершине мы!

Гемма.

К заходу солнца
Достигнем цели мы! Заветной цели!
О, как трепещет сердце! Как душа
От радости безумной замирает!
Я счастлива! Я счастлива и вместе...
Мне жутко как то...

Дукс.

Жутко? Отчего?
Великий миг победы наступает,
Мы на пороге торжества, какого
Еще не видел Разум человека,
Мы веры, мощи, сил полны! О чем же
Душа твоя скорбит?

Гемма.

Не знаю, дорогой!
В великой радости, как и в великом горе,
Есть что то жуткое... Какой то смутный ужас,
Какое то предчувствие печали!
Кто знает, что нас ждет там на вершине?

Дукс.

Там ждут нас счастье, радость и любовь,
Свобода духа, полнота познанья!
Там нашего пути конец!

Гемма.

Да, да!
Там счастье, там свобода, там конец
Тяжелых испытаний! Так должно быть,
Так верю я! Но все таки...
(Внезапно раздаются крики ужаса и смятения)
О, горе!
Что? Что случилось?

1-й из толпы.

Он упал, разбился

2-й из толпы.

Он покатился вниз! Вон, вон мелькает,
Меж скал и льдов его фигура!

3-й из толпы.

(Громовым голосом)

Стой!
Держись за уступы! За лед, за камни
Хватайся крепче! Мы тебе дадим
Конец веревки!

4-й из толпы.

Поздно! Он сорвался
С последнего уступа! Там отвес!
Там камни острые и пропасть!

5-й из толпы.

Он погиб!
Его уж не спасти!

6-й из толпы.

Он был все время
Излишне смел! Я говорил ему,
Что надо быть скромнее, осторожней,
Не слушал он! И вот наказан страшно!

7-й из толпы.

Да, лучше за другими уж идти!

Дукс.

Прости, несчастный орел! Прости, товарищ!
Как горек и печален твой удел!
Преодолеть все бури и невзгоды,
Снести и гул громов и смерти трепетанье
Пройти весь путь, подняться до вершины
И здесь, у врат земли обетованной,
Погибнуть жалко!.. Видеть стены рая
И не войти в него!.. Жестокая судьба!..
Спи мирным сном меж льдов и скал
могучих,
Погибший брат! Ты храбрым был солдатом
На службе Разуму. Свой долг исполнил ты!
Пусть жизнь твоя послужит нам примером!
Спи мирным сном!

(Обнажает голову, все окружающие делают тоже самое)

А те, кто жив, в ком сердце
Надеждою трепещет, в ком кипит
Могучий дух,—вперед!

Гул голосов.

Вперед! Вперед!

Дукс.

За мной, друзья! Мужайтесь! Выше знамя...
Уж вот она заветная вершина!
Еще одно последнее усилье!
Близка победа! Близок славный час!

(С последними словами Дукс взбирается на вершину и торжественно водружает на ней большое красное знамя. Толпа следует за Дуксом и быстро окружает густой массой [illegible] знамени)

Гемма.

Ура! Ура! Мы на вершине, братья!
Как вольно дышит грудь! Как близко небо!
Как даль земли безбрежна и бескрайна!
Как величаво гордое молчанье.
Что здесь царит! То вечности молчанье!

Толпа.

Ура! Ура! Окончен тяжкий путь!
Пришли мы в царство счастья и свободы!

Дукс.

Достигли мы вершины! Дивный миг!
Миг грозный, ослепительный, великий
Как гул громов в пустыни тишине
Как молний блеск во мраке бурной ночи!
О, Человек! Как долго, долго ждал
Ты этого божественного мига!
Мелькали дни, и месяцы, и годы,
Века бежали, тяжкою стопой
Тысячелетья шли,—а ты упорно
Карабкался с утеса на утес,
Спускался в бездны темные, потоки
Переплывал, блуждал в лесах дремучих
Над пропастями черными висел.
И грудь свою грозе и непогоде
Во мгле ночной отважно подставлял!
Измученный страданьем и борьбою,
В отчаянья порой ты припадал
К сырой земле лицом и горько плакал,
И волосы рвал на себе в печали,
И в ярости царапал кожу,
И проклинал себя, свой дух тревожный,
Свой Разум ненасытный, что желает
Все знать, все понимать, и малодушно

Смерть — избавительницу призывал!
Но проходил порыв,—ты снова подымался
И снова шел вперед, упрямый взор
К вершине устремив, и снова полз,
До крови раня руки, ноги, тело,
По склону диких гор, все выше, выше.
Мильоны гибели в пропастях бездонных,
Мильоны умирали, не дождавшись
Сверкающего мига торжества,
И умирая простирали руки
К вершине отдаленной,—ты все полз
По склону гор упорно выше, выше!
Менялись времена, рождались царства
И падали, народы приходили
И уходили, воины сражались,
Монахи о спасеньи душ молились,
Пророки гневным словом бичевали
Грехи и скверну суетного мира,
Певцы слагали песни, мудрецы
Испытывали тайны мирозданья,
А ты все шел вперед! Все выше, выше!
Ты знамя Разума нес в трепетных руках!
Мы на вершине, братья! На вершине!
Исполнилась мечта тысячелетий
Исполнилось! Свершился на яву
Сон золотой далеких предков наших!
Нет больше зла, несчастья и томленья,
Нет нищеты, болезней и страданья,
Нет ни цепей, ни тяжкого труда!
Мир обновлен! Мы на вершине, братья!
Нам, избранным, нам выпало на долю
Ступить ногой на эту высоту
И водрузить здесь знамя человека!

(обращаясь к знамени)

Ты, знамя древнее, во мгле времен
минувших
Переходившее из рода в род,
Как дивная святыня Человека,
Ты, знамя гордое, сверкавшее всегда
В угрюмом мраке прошлого, как солнце,
Стоявшее упрямо, не сгибаясь
Под бурями и грозами веков,
Ты, знамя чудное, в бесчисленных боях
Водившее к победе Человека
Над силами таинственными тьмы,
Ты, знамя Разума, свободно развевайся
На грани гор и неба! Осеняй
Храм дивный человеческого счастья!
Почет тебе и слава!

(Склоняется перед знаменем)

Толпа.

(тоже склоняясь)

Слава! Слава!

Дукс.

И вы, товарищи и братья наши,
В веках минувших гордо и отважно
Державшие в руках вот это знамя,
Вы, жадною душой алкавшие свободы,
Познанья истины и светлой красоты,
Вы, на алтарь борьбы бросавшие свой
гений,
Свою отвагу, волю, жар души,
И счастье, и любовь и радость жизни
Вы, голову сложившие на плахе,
Под пыткой, в цепях, в огне костров,
Вы, воины проснувшегося духа,
Своими трупами устлавшие наш путь.

К вершине света, счастья и познанья,
Вы, мученики Разума святые,
Бесчисленные как песок морской,
Великие и малые, вожди,
Увенчанные славой, и солдаты,
В безвестности погибшие, — вам всем
Да будет память вечная и слава!

(Обнажает голову и стоновится на колени)

Т а л п а.

(следуя примера Дукса)

Да будет память вечная и слава!

Д у к с

Примите, братья скорбные, так жадно
Душою возносившиеся к небу
И не дождавшиеся мига торжества,
От нас счастливых светлое лобзанье!
Смиренно мы склоняемся пред вами,
Борцы минувшего. Вы нас благословили
Нам указали путь; и тени ваши
Здесь на вершине, в гордый час победы
Нас окружают радостной толпой!

(Все благоговейно склоняются головой до земли, несколько мгновений царит глубокое сосредоточенное молчание. Пламя заката постепенно бледнеет, темнота становится гуще. В сумраке наступающей ночи картина быстро преображается. Снега, льды и голые утесы превращаются в раскошный сад с тихо мерцающими в полутьме силуэтами высоких деревьев, красивых статуй, фантастических строений. Слышится журчание ручья. Раздается серебристый плеск фонтанов. На небе загораются яркие звезды. Вся преображенная картина дышит ароматами и негой волшебной южной ночи.

Гемма.

(вставая и изумленно оглядываясь).

Что вижу я? Какая красота!
Как тихо шепчут листья на деревьях.
Как ярко блещут звезды в вышине
Как дивным араматом напоен
Вечерний воздух! Братья дорогие,
Воистину в страну любви и счастья
Вступили мы!

1-й голос.

Вы слышите, как плещут
Волною серебристою фонтаны?

2-й голос.

Вы видите, как в сумраке деревьев
Храм счастья человеческого к небу
Возносится главой остроконечной!

3-й Голос.

Ручей журчит и светляки толпами
Над гладью вод танцуют!

4-й голос

Хоры птиц
Запели в тишине! Они поют о счастьи,
О радости любви, о совершенстве
Всего, что видим мы!

5-й голос.

Мы в царстве счастья!
О, дивный сон! Свершился ты! Свершился!

Дукс

Да, дивный сон свершился! В царство
счастья
Вступили мы! Закончился сегодня
Тысячелетний путь страданья и борьбы!

А [illegible]... [illegible] начнется новый,
[illegible] золотой свободы и познанья,
[illegible] дивного блаженства, что не знает
Предела и конца!.. Спустилась ночь...
На отдых, братие, что [illegible] заслужили
И [illegible] чистою душой предаться можем
[illegible]!

Голоса.

Пора! Пора уснуть!

(Дукс, Гемма и все остальные располагаются под высокими тенистыми деревями и быстро засыпают. Некоторое время царят мрак и молчание. Только звезды тихо горят в вышине да плещется фонтан посреди сада. Вдруг в отдалении за темной гранью деревьев вспыхивает яркая звезда, освещающая всю картину косыми лучами ослепительного голубоватого света, и вслед затем [illegible]здается громкий и властный голос]

Голос.

Встань, человек! Пробудись!
Золотом утра подернулась высь!
Гаснут на небе ночные огни!
Чары забвенья стряхни!
Все ли об'ял ты, познал и изведал?
[illegible] что дух твой тебе заповедал
Ты совершил?
[illegible] вселенной
[illegible] подчинил-ли руке дерзновенной
Жизнь и движенье светил?
Встань, человек! Посмотри!
[illegible]ишь, в румяном сияньи зари,
[illegible]кой одеты, могучи и стройны,
[illegible]е снегов величаво спокойны,

Снова вершины встают?
Полные тайны, прекрасны и строги,
Дивного счастья и света чертоги.
Манят к себе и влекут!
Встань, Человек, и иди!
Видишь, сверкает рассвет впереди?
Солнце восходит! Все глубже, все тише
Небо сияет, печаль затая...
Странник вселенной, где доля твоя?
В вечном движеньи все выше и выше
Смысл бытия!

[Звезда исчезает, голубоватый свет гаснет. На дальнем горизонте медленно разгорается заря, на фоне которой обрисовываются легкие силуэты исполинских снежных вершин, позолоченных первыми лучами солнца]

Д у х с.

(просыпаясь)

Какой то странный сон сейчас я видел...
Как будто бы во тьме ночной сверкнула
Могучая звезда и чей то голос
И властный и глубокий говорил...
О чем он говорил?

(Задумывается)

То было что-то
Волнующее, сердце замирало
И сладко и тревожно... А в груди
Какое то волненье закипало...
Но что же это было?.. Что такое?..
Ах вспомнил, вспомнил! Голос говорил:

(Произносит медленно, как бы постепенно припоминая)

Встань, Человек! Посмотри!
Видишь в румяном сияньи зари,

Дымкой одеты, могучи и стройны,
В ризе снегов величаво спокойны,
Снова вершины встают!..
Встань, Человек, и иди!
Видишь, сверкает рассвет впереди?
Солнце восходит! Все глубже, все тише
Небо сияет, печаль затая...
Странник вселенной, где доля твоя?
В вечном движеньи все выше и выше
Смысл бытия!

(Удивленно оглядывается, как бы только сейчас замечая окружающую картину)

Как быстро ночь прошла!. Уже светает .
В лучах зари сияньем золотым
Природа вся подернулась .. Деревья
Еще молчат, склонивши ветви долу.
Но звезды в небе гаснут... Плеск
фонтанов
Слышнее стал .. И легкая прохлада,
Прохлада утра веет над землей...
То день идет! День сладостной награды
День века золотого, о котором
Так долго и напрасно человек
В дни прошлого мечтал!..

(Обращается лицом к востоку и вдруг порывисто вскакивает)

О, что я вижу?!
Что это там вдали, на грани неба?
Там, где рассвет горит? Что это там?
То сон иль явь? Как? Новые вершины?
Могучие и дивные? Зачем,
Зачем они явились? Кто позволил
Им вознестись главою к небесам?
Здесь разве не конец? Не столб предельный

Далекого пути? Иль не достигли
Мы царства счастья света и познанья?
Иль не свершился сон тысячелетний?
Иль не настало время с плеч согбенных
Сложить печали бремя навсегда?
Нет! Нет! Не может быть! То бред вооб-
раженья,
Мираж обманчивый! Там нет вершин...

(Отворачивается и в сильном волнении начинает ходить взад и вперед, потом внезапно взглядывает туда, где все ярче и могущественнее разгорается рассвет)

Но нет! Они стоят и не уходят!
Они сверкают дивными огнями
В лучах зари и гордо подымают
Свою главу к лазурной высоте!
О, как они могучи и прекрасны!
Как полны величавого покоя
И тайны неразгаданной никем!
Они еще могучей и прекрасней,
Чем та вершина горная, к которой
Мы шли тысячелетья!..

(Молча смотрит в сторону восходящего солнца и затем, как бы в забытьи, продолжает)

О, как манят,
Как [illegible], как [illegible] неудержимо
Меня вершины новые к себе!
Они зовут настойчиво и властно!
Они зовут!

(Закрывает лицо руками)

Иль ошибался я?
И это не конец пути? И надо,
Покинув райский сад, опять идти
[illegible] вер-
шинам?

О, где же ты храм Счастья и Свободы?
Где ты, душой взыскуемый так жадно,
Век золотой блаженства и любви?
Иль Счастье лишь в движеньи неустанном?
Иль полнота блаженства не в покое
А в вечном достиженьи?

(Задумывается, потом встает с сверкающими глазами и высоко поднятой головой)

Прочь, унынье!
Прочъ, мысли черные! Прочь слабость и сомненье!
Ты, Разум, победил! Вперед! Вперед!
К сверкающим вершинам путь идет!
Туда, где всходит солнце! Лишь в движеньи
Все выше, к небу, в дивные края,
Лежит смысл глубочайший бытия!

(громко к спящим товарищам)

Друзья! Товарищи! Уж день идет! Пора!
Стряхните чары сна, откройте очи!
Восстаньте все и в путь скорее!

(Спящие просыпаются и с недоумением подымают головы)

Голоса.

—В путь?
—Куда?
—Зачем?
—Наш путь навек окончен!
—Мы в царстве счастья, света и любви!

Дукс.

Вставайте все! Смотрите—даль сверкает,
И новые вершины в ней горят,
Могучие и дивные, и манят
Они к себе! Туда, туда пойдем!

Гемма.

Как? Снова в путь? Опять вперед, к вершинам?..
О, жуткие предчувствия мои!..

1-й из толпы.

Куда зовешь ты нас? О, разве мало
Мы приняли страданий? Разве надо
Опять страдать? Устали мы, устали!
Мучителен и тяжек был под'ем!
Невзгоды истомили наши души,
Печали отравили нам сердца!
Нам нужен отдых! Нужно счастье, счастье!
У райских вод в долине света будем
Мы радостно покоиться, вкушая
От сладости награды заслуженной!

Голоса.

Здесь хорошо! Куда еще идти?

Еще голоса.

Мы не пойдем! Иди один, коль хочешь!

Дукс.

О, братья и друзья! Как маловерны,
Как слабы вы! Не так же ли, как вы,
И наши предки дальние, когда то
Бродившие в долине, говорили:
„Здесь хорошо! Куда еще идти?“
Но Разуму-вожатаю покорны
Они пошли!.. Все выше и вперед...
К вершине их манившей! В тяжких муках
Они без счета гибли на пути,
Их каждый миг был мукой и страданьем,
Их каждый шаг кровавыми слезами
Омочен был. Но гордо и упрямо

Они все шли вперед и выше!.. Братья,
Ужели дух геройский в вас угас?
Ужели вы забыли день вчерашний?
Ужели яд сомнений отравил
В вас сердце пылкое и ум горячий?
Ужели вы не будете достойны
Далеких предков ваших, что ходили
В звериных шкурах, но готовы были
На муки, на страдания, на смерть
Во имя Разума?

2-й из толпы.

Не обвиняй нас, брат!
И мы не хуже их! И мы готовы
Во имя Разума на смерть!

Голоса.

Да, да! Готовы!

Дукс.

О чем же был ваш ропот? Почему
Вы не хотели следовать за мной?

3-й из толпы.

Устали мы!

4-й из толпы.

Мы так привыкли верить,
Что здесь конец пути, что здесь нас ждет
Великая награда!

Дукс

О, друзья!
Развейте знамя! Выше подымите
Опущенные головы! Забудьте
Минуты слабости позорные! Из седрца
Усталость и сомненье изгоните!
Те чувства не для вас, о, братья!

Вы—воины проснувшегося духа!
Вы—Разума железные солдаты!
Вы видите, как радостно восходит
Сверкающее солнце? Как сияет
Таинственная даль? Как ярко блещут,
И манят и зовут к себе вершины?
Туда! Туда! Там мы увидим счастье!
Там мы найдем познанье! Перед ними
Вершины *этой* счастье и познанье
Бледнеют, как звезда перед зарей!
Туда! Туда! скорей!

Голос из толпы

О, брат! А, если
За этими вершинами увидим
Мы новые вершины?

Дукс.

Мы пойдем
И к тем вершинам дальним. И к дальнейшим!

Гемма.

Так значит, наша доля—вечный путь?

Дукс

Да, вечный путь! Мы странники вселенной!

Голос.

В вечном движеньи все выше и выше
Смысл бытия!—

Дукс

Вы слышите? Вы слышите, о, братья:
В вечном движеньи все выше и выше
Смысл бытия!—
О, дивныя слова! Вперед, друзья!

За мной! К вершинам! К солнцу!
К счастью! К свету!

Гемма.

К вершинам дальним, к солнцу, к счастью,
к свету!

Гул голосов.

Вперед! Вперед! Веди нас за собою!

(Толпа окружает Дукса тесным кольцом, в его руках знамя)

Дукс.

Вперед! Всегда вперед!

Голоса.

Не отставай!

(Толпа приходит в движение. Во главе ее Дукс, рядом с ним Гемма. Все идут в сторону восходящего солнца, под яркими лучами которого таинственно вырисовываются величавые очертания исполинских снежных вершин)

Толпа.

(поет)

В вечном движеньи все выше и выше
Смысл бытия!

(Толпа удаляется, звуки постепенно замирают в дали)

КОНЕЦ

Сибирь и Монголия
1919 г., 3-й год революции

